Три правды о себе

Автор:
Джулия Баксбаум

Три правды о себе

Джулия Баксбаум

Настоящая сенсация!

Прошло 733 дня, как умерла мама Джесси, 45 дней, как ее отец женился на другой, 30 дней, как им пришлось перебраться в Лос-Анджелес, и всего 7 дней, как Джесси перешла в новую частную школу. И именно тогда ей на почту приходит письмо от таинственного незнакомца. Он хочет стать ее виртуальным наставником и помочь освоиться в школе, а еще… ему действительно интересны ее мысли и переживания.

Может ли она полностью доверять своему новому другу? Или это всего лишь чей-то злой розыгрыш?

Очень скоро, незаметно для самой Джесси, их дружба перерастает в нечто большее. Казалось бы, пришло время узнать, кто же на самом деле скрывается под таинственным ником Кто-то Никто. Хотя, возможно, некоторым секретам лучше оставаться нераскрытыми…

Джулия Баксбаум

Три правды о себе

Julie Buxbaum

TELL ME THREE THINGS

Печатается с разрешения автора при содействии ICM Partners.

© Julie Buxbaum, 2016

© Перевод Т. Поскидаева, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

***

Джулия Баксбаум – популярная американская писательница, автор романа «Три правды о себе», переведенного на 25 языков и ставшего бестселлером «New York Times» и «Amazon».

Три правды об одной книге: 1. Она прекрасна. 2. Она действительно ПРЕКАРСНА. 3. Ее должен прочитать каждый.

Джоди Пиколт, автор «Ангела для сестры»

Это одна из тех книг, от которых вы не можете оторваться, не дочитав до последней страницы.

«Publishers Weekly»

Настоящая, искренняя история о том, как справиться с горем и научиться не бояться перемен.

«Kirkus Reviews»

***

Моим И. и Л.:

я люблю вас

до Луны и обратно,

и еще раз туда и обратно,

и еще раз, и еще.

Ad infinitum.

Глава 1

Через семьсот тридцать три дня после смерти мамы, через сорок пять дней после того, как папа женился на женщине, с которой познакомился по Интернету, через тридцать дней после нашего переезда в Калифорнию и семь дней после того, как я стала учиться в новой школе, где не знала вообще никого, мне на электронную почту пришло письмо. Это могло показаться странным – анонимное письмо, вдруг возникшее в папке «Входящие» и подписанное дурацким ником Кто-то Никто, – но моя жизнь изменилась настолько, что теперь я уже ничему не удивляюсь. Семьсот тридцать три дня я прожила словно в каком-то другом, ненормальном, мире и успела усвоить один важный урок: со временем у человека развивается невосприимчивость ко всему странному.

Кому: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

От кого: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

Тема: твой дух-наставник по выживанию в средней школе Вуд-Вэлли

привет, мисс Холмс. мы не знакомы в реале и вряд ли когда-нибудь познакомимся. то есть, может быть, и познакомимся – может быть, я спрошу у тебя время или что-то еще, столь же будничное и скучное, – но мы никогда не узнаем друг друга по-настоящему, в том смысле, который действительно важен… поэтому я буду общаться с тобой только по почте и под покровом анонимности.

ага, я сам в шоке. парень шестнадцати лет только что написал эту чушь: «под покровом анонимности». вот и причина № 1, почему ты никогда не узнаешь мое настоящее имя. я просто не переживу позора.

«под покровом анонимности»? серьезно?

да, я в курсе, что нормальные люди общаются эсэмэсками, но я пока не придумал, как это сделать, чтобы не раскрыть себя.

я наблюдал за тобой в школе. только не думай, что я маньяк. хотя все маньяки пытаются доказать, что они не маньяки. ну, ладно. просто… скажем так: ты меня заинтриговала. как ты, наверное, успела заметить, наша школа – сплошная бесплодная пустошь, рассадник блондинистых Барби и Кенов с пустыми глазами, а в тебе есть что-то такое (и не потому, что ты новенькая, хотя, конечно, и поэтому тоже, мы-то все учимся вместе чуть ли не с первого класса), что-то в твоих движениях, в том, как ты говоришь, и даже не говоришь, а молчишь и наблюдаешь за нами, словно смотришь документалку о жизни диких животных, и это наводит на мысли, что ты не такая, как все остальные придурки в нашей придурочной школе.

я смотрю на тебя, и мне хочется знать, что творится в твоей голове. скажу честно: обычно меня не особенно интересует, что творится в чужих головах. мне хватает своих тараканов.

собственно, я пишу для того, чтобы предложить помощь. жаль тебя огорчать, но средняя школа Вуд-Вэлли – натуральный гадюшник. может быть, с виду все очень прилично и мило: занятия йогой, зоны для чтения и медитаций, кафетерий с приличным кофе… но, как и любая другая средняя школа в Америке (если не

хуже), наша СШВВ – зона непрекращающихся военных действий.

поэтому я предлагаю свои услуги в качестве виртуального духа-наставника. задавай мне любые вопросы (кроме вопросов о том, кто я на самом деле), и я постараюсь ответить: с кем можно дружить (список короткий), от кого надо держаться подальше (список длинный), почему не рекомендуется брать в столовке вегетарианские гамбургеры (долгая история с участием эякулята, которую тебе лучше не знать), как получить «пять» на уроках миссис Стюарт, почему не стоит садиться за одну парту с Кеном Абернати (метеоризм). кстати, будь осторожнее на физре. мистер Шаклмен заставляет красивых девчонок бегать дополнительные круги, чтобы поглазеть на их задницы.

думаю, для начала достаточно.

добро пожаловать в джунгли.

искренне ваш, Кто-то Никто

Кому: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

От кого: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

Тема: Замысловатый розыгрыш?

КН, это правда? Или ты хочешь меня разыграть, как в тупой романтической комедии? Найдешь ко мне хитрый подход, чтобы я вся размякла, рассказала тебе о своих тайных мыслях/страхах, а потом – БАЦ – запостишь нашу доверительную переписку на «Тамблере», чтобы я стала посмешищем для всей школы? Если так, то веселья не будет. У меня черный пояс по карате. Я могу за себя постоять.

Если это не шутка, тогда спасибо за предложение. Но я все-таки откажусь. Я хочу стать журналистом. Буду заранее привыкать к зонам военных действий. И потом, я из Чикаго. С СШВВ я уж как-нибудь справлюсь.

Кому: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

От кого: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

Тема: не замысловатый и вовсе не розыгрыш

это не розыгрыш, честное слово. и я не смотрю романтические комедии. да, я дремучий, не спорю. надеюсь, после такого признания ты не перестанешь меня уважать.

кстати, журналист – вымирающая профессия. может, стоит задуматься о карьере военного блогера?

Кому: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

От кого: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

Тема: Спам на целевую аудиторию?

Очень смешно. Погоди, кто-то действительно поливает вегетарианские бургеры спермой?

Кому: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

От кого: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

Тема: вы, Джесси Холмс, выиграли 100 000 000 долларов от нигерийского принца.

не просто спермой, а потной лакроссной спермой.

я бы еще посоветовал воздержаться от мясного рулета, на всякий случай. на самом деле, вообще не ешь в нашей столовке. а то подхватишь сальмонеллез.

Кому: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

От кого: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

Тема: Уже высылаю банковские реквизиты

кто ты?

Кому: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

От кого: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

Тема: а также копию свидетельства о рождении и водительских прав

нет. даже и не пытайся.

Кому: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

От кого: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

Тема: Вам, разумеется, нужен номер моего социального страхования?

Ладно. Но хотя бы ответь, что у тебя с прописными буквами? Клавиша «Shift» не работает?

Кому: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

От кого: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

Тема: а также ваш рост и вес

неизлечимая лень.

Кому: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

От кого: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

Тема: Переходим на личности?

Ленивый и красноречивый. Интересное сочетание. Но при этом не ленишься набирать имена собственные с прописной буквы?

Кому: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

От кого: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

Тема: и девичью фамилию матери

я же не полный филистер.

Кому: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

От кого: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

Тема: Ленивый, красноречивый И любопытный

Не каждый шестнадцатилетний парень знает слово «филистер».

Кому: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

От кого: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

Тема: ленивый, красноречивый, любопытный… и, что характерно, красивый

это не единственное достоинство… уф. очень вовремя удержался, чтобы не выдать банальную шутку. это все из-за тебя. потерял бдительность, чуть не поддался на провокацию.

Кому: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

От кого: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

Тема: Ленивый, красноречивый, любопытный, красивый… и скромный

…сказал епископ актрисе.

Теперь вам понятно, почему я люблю электронную почту. Я никогда не сказала бы что-то подобное в личной беседе. Дерзкое. Вызывающее. С явным намеком. Как будто я из тех бойких девчонок, которые запросто отпускают такие шутки. Из тех девчонок, которые не робеют перед мальчишками и умеют заигрывать, этак картинно тряхнуть волосами, посмотреть со значением и, уж если на то пошло, знают толк и в поцелуях, и во всем остальном. (Просто для сведения: я умею целоваться. Не утверждаю, что я в этом деле великий мастер, золотой олимпийской медали мне точно не светит, но я уверена, что целуюсь неплохо. У меня есть с чем сравнить. Все познается в сравнении, да. Адам Кравиц. Девятый класс. Он: весь слюнявый и возбужденный; ритмичные движения языка, как будто зомби пытается съесть мою голову. Я: очень даже не прочь поучаствовать; в итоге – трехдневное раздражение на коже лица.)

Электронная почта дает тебе время собраться с мыслями. В реальной жизни я постоянно проигрываю в голове уже состоявшиеся разговоры, задним числом редактирую свои реплики, оттачиваю умение вести шутливую, непринужденную беседу – умение, с которым, похоже, рождаются все остальные девчонки. Разумеется, это напрасная трата времени, потому что от запоздалых удачных мыслей ничего не изменится. В диаграмме Венна, представляющей мою жизнь, окружности моей реальной и воображаемой личности не пересекаются никогда. Однако в письмах и эсэмэсках мне даются добавочные секунды, чтобы явить миру улучшенную, отредактированную версию себя. Предстать совершенно другим человеком – девушкой в блистательном пересечении.

Надо быть осторожнее. Иногда не спасают и дополнительные секунды. Сказал епископ актрисе. Тяжелый случай. Фразочка, подходящая для какого-нибудь старого пошляка или разбитной девицы. На меня это совсем не похоже. И, самое главное, я не знаю, кому пишу. Вряд ли этот КН – добрый самаритянин, пожалевший новенькую, которую все старательно не замечают. Или, того лучше, тайный воздыхатель. Потому что, конечно же, это была моя первая мысль. Мысль человека, испорченного запойным просмотром многочисленных романтических комедий и чтением книг, очень далеких от правды жизни. Как вы думаете, почему я целовалась с Адамом Кравицем? Дома, в Чикаго, мы были соседями. Получилась бы очень красивая история: девушка вдруг понимает, что ее настоящая любовь все время была рядом с ней. Естественно, мой сосед оказался слюнявым зомби. Ну да ладно. Живи и учись.

Наверняка КН – чья-то жестокая шутка. Может быть, это и вовсе не он, а она. Какая-нибудь зловредная девица, выбравшая себе легкую жертву. Потому что, скажем честно: я легкая жертва. Я слабая, может быть, даже жалкая. Я соврала. У меня нет черного пояса по карате. Я нисколечко не крутая. Еще месяц назад я считала себя крутой. Правда считала. Думала, я хорошо принимаю удары судьбы. Хотя иногда у меня было такое чувство, будто меня расплющивает в лепешку. Единственный повод для гордости – никто никогда не видел, как я реву. А потом мы переехали в это странное место, Вуд-Вэлли, которое вроде бы и Лос-Анджелес, и не совсем Лос-Анджелес, и я перешла в новую школу, потому что мой папа женился на состоятельной женщине, от которой пахнет миндалем, и пакет сока здесь стоит двенадцать долларов, и я даже не знаю… Теперь я вообще ничего не знаю.

Я в полной растерянности, мне плохо и одиноко. Свои старшие классы я буду вспоминать с содроганием. Как страшный сон. Мама однажды сказала, что все

люди делятся на две категории: одни вспоминают старшие классы с теплотой и любовью, а другие, окончив школу, еще лет десять приходят в себя. То, что нас не убивает, делает нас сильнее, сказала она.

Но ее что-то убило, и я не стала сильнее. Так что, наверное, есть еще третья категория людей: те, кто вообще никогда не оправится от старшей школы.

Глава 2

Существуют вопросы, на которые не ответит даже всезнающий «Гугл», например: кто такой КН? Прошла неделя с тех пор, как я получила первое таинственное письмо, и я по-прежнему не имею понятия, кто его автор. Я же предпочитаю знать, что со мной происходит. И желательно знать заранее, чтобы успеть подготовиться. Остается одно: выступить в роли Шерлока Холмса.

Начнем с Дня № 1, кошмарного первого дня в новой школе. Это был совершенно поганый день, но справедливости ради замечу, что после маминой смерти хороших дней не может быть вообще. Потому что с тех пор, как она умерла, ее не стало уже навсегда. Конец связи. Полная безысходность. Время не лечит, вопреки заверениям, второпях нацарапанным в открытках с соболезнованиями от дальних родственников. Видимо, в тот первый день был какой-то момент, когда от меня исходили настолько явные жалобные сигналы «помогите мне кто-нибудь», что КН и вправду меня заметил. Какой-то момент, когда у меня на лице отразилась: Это не жизнь, а кошмар.

Но вычленить его будет очень непросто, ведь день оказался богат на конфузы – прямо кладезь неловких моментов. Есть из чего выбирать. Для начала я опоздала. По вине Тео. Тео – мой сводный брат, сын папиной новой жены – тоже учится в одиннадцатом классе в СШВВ и не видит меня в упор. Словно меня вообще не существует. Я почему-то решила, что раз мы живем в одном доме и учимся в одной школе, то будем ездить на занятия вместе. Ага, как же. Оказалось, мой братец Тео носит футболку с надписью «СОХРАНИМ ПРИРОДУ – СОХРАНИМ СЕБЯ» просто для выпендрежа, и ему не приходится забивать свою красивую голову всякими пустяками, вроде где достать денег на бензин. Его мама – директор крупной кинопродюсерской фирмы, и в их доме (да, я сейчас здесь живу, но это никоим образом не мой дом) есть своя собственная

библиотека. Только в этой библиотеке не книги, а фильмы, потому что – Лос-Анджелес. В общем, мне пришлось ехать в школу самой, и я совершенно запуталась в сумасшедшем уличном движении.

Когда я наконец добралась до школы Вуд-Вэлли – проехала через устрашающие кованые ворота и отыскала место на стоянке, – секретарша направила меня к группе ребят, расположившихся на лужайке перед зданием школы. Они сидели кружком на траве, словно в каком-нибудь христианском лагере. Тут же валялись гитары в чехлах. Приди, Господь, и все такое. Да, наверное, в Лос-Анджелесе это обычное дело – уроки на улице, на невероятно зеленых сентябрьских лужайках под цветущими деревьями. Я успела спариться в своих черных джинсах, жутко распсиховалась после поездки по незнакомому городу и никак не могла успокоиться. К тому же я волновалась. Все-таки первый день в новой школе. Все остальные девчонки пришли в легких платьях на тонких бретельках, сползающих с тонких плеч.

Вот очередное отличие Лос-Анджелеса от Чикаго: здесь все девчонки худющие и полуголые.

Урок шел полным ходом, и мне было неловко стоять в сторонке, не решаясь войти в круг. Насколько я поняла, они по очереди рассказывали о том, как провели летние каникулы. Выступали по часовой стрелке. В конце концов я уселась за спинами двух высоких парней, понадеявшись, что их очередь уже прошла, а до меня, может быть, и не дойдет.

Конечно, я просчиталась.

– Всем привет, я Калеб, – сказал сидевший прямо передо мной парень таким уверенным тоном, словно не сомневался, что все уже знают, кто он такой. Мне понравился его голос: в нем звучала спокойная уверенность в себе, которой так не хватало мне. – Летом я ездил в Танзанию, и это было волшебно. Сначала мы всей семьей поднялись на Килиманджаро, и у меня ноги гудели еще неделю. А потом я отправился волонтером на строительство школы в какой-то глухой деревне. В общем, принес пользу обществу. В целом это было отличное лето, но я рад, что вернулся домой. Очень скучал по мексиканской еде.

Когда он закончил, я зааплодировала – он поднимался на Килиманджаро и строил школу, конечно, он заслужил аплодисменты, – но перестала, как только

сообразила, что, кроме меня, больше никто не хлопал. Калеб был в простой серой футболке и стильных дизайнерских джинсах. Симпатичный, очень симпатичный. Не красивый, как бог, но весьма привлекательный. Как раз такой, как мне нравится. Именно с таким парнем я когда-нибудь буду встречаться. Может быть, вероятно. Ладно, если по правде, то нет. Для меня он все-таки слишком шикарный. Но мечтать никто не запрещает.

Следующим заговорил длинноволосый парень, сидевший рядом с Калебом. Он тоже был симпатичный, не хуже Калеба.

Хм… Может, все не так плохо, и мне здесь понравится. В отличие от реальной, у меня очень насыщенная придуманная жизнь.

– Как вам известно, я Лиам. В июле я проходил стажировку в «Гугле», в Сан-Франциско. Было круто. Стоило съездить ради одной их столовки. А в августе я путешествовал дикарем по Индии.

Тоже очень красивый голос. Мелодичный, певучий.

– Дикарем, значит. Ну-ну, – сказал Калеб, парень с Килиманджаро в серой футболке, и все остальные, включая учителя, рассмеялись. Все, кроме меня, потому что я, как всегда, тормознула. Меня поразило, что школьника взяли на стажировку в «Гугле», и я поняла, что можно уже распрощаться с мечтой поступить в колледж – при таких конкурентах мне точно ничего не светит. И да, я украдкой рассматривала их обоих, пытаясь понять, что эти двое собой представляют. Калеб, несмотря на восхождение на Килиманджаро, явно был из мажоров, а Лиам – этакий крутой хипстер. Интересная парочка.

– Ладно, не дикарем. Родители отпустили меня при условии, что я буду селиться в приличных отелях, потому что там антисанитария, дизентерия и все дела. Но я все равно получил представление об индийской культуре и собрал материал для вступительного сочинения, для чего, собственно, все это и затевалось, – сказал Лиам, и когда он закончил, мне уже хватило ума не захлопать в ладоши.

– А вы? Как вас зовут? – спросил учитель, как потом выяснилось, тот самый мистер Шаклмен, о котором меня предупреждал КН: физрук, любящий поглазеть на красивые задницы старшеклассниц. – Я вас не помню по прошлому году.

Не знаю, зачем ему было обращать на меня внимание всего класса, но ничего, как-нибудь переживем, уговаривала я себя. Обычное дело на первом уроке в начале учебного года: «Как я провел лето». Совершенно не повод рукам трястись, а сердцу бешено биться, словно на ранней стадии инфаркта. Я знаю симптомы. Я видела документалки о первой помощи. Все уставились на меня, включая Калеба и Лиама. Эти двое смотрели то ли с удивлением, то ли с сомнением. Или, может быть, с интересом. Я так и не поняла.

– Э… привет. Я Джесси. Новенькая в этой школе. Этим летом у меня не произошло ничего интересного. То есть… мы переехали сюда из Чикаго, а до этого я работала… э… в «Смузи-Кинге» в торговом центре.

Все повели себя прилично, никто не рассмеялся вслух, но я все поняла по их взглядам. Они выражали откровенную жалость. Они строили школы, ездили за границу и стажировались в компаниях с миллиардным оборотом. А я все каникулы провела за прилавком, смешивая фруктовые коктейли с кукурузным сиропом.

Уже задним числом я поняла, что надо было соврать и сказать, что я работала волонтером в приюте для сирот-инвалидов на Мадагаскаре. Никто бы и не заподозрил обман. И аплодировать тоже не стал бы, как я понимаю.

– Погодите. Я не вижу вас в списке, – произнес мистер Шаклмен. – Вы в выпускном классе?

– Э… нет. – Я почувствовала, как у меня по виску течет тонкая струйка пота. Быстро прикинула в уме, как лучше сделать: стереть пот или оставить как есть? Что привлечет больше внимания к тому прискорбному факту, что мои поры сочатся избыточной жидкостью? Я стерла пот.

– Не тот класс, – сказал мистер Шаклмен. – Я вроде бы не похож на миссис Маррей, правда?

Теперь все рассмеялись, хотя шутка была так себе. Двадцать пять лиц опять повернулись ко мне, двадцать пять пар глаз оценивающе прищурились.

– Ваш класс там. – Мистер Шаклмен указал на главное здание, и мне пришлось встать и уйти, и весь класс (включая учителя и обоих парней мечты, Калеба и

Лиама) смотрел на мою удалявшуюся задницу.

И только потом, разыскав свой класс и повторив рассказ «Что я делала этим летом» перед другими ребятами – второй раз выдавив из себя «Смузи-Кинг» в присутствии новой, но не менее потрясенной аудитории, – я поняла, что к моим джинсам на заднице прилип изрядный пучок травы.

Итак, сколько людей ощутили мое отчаяние в тот первый день? По примерным подсчетам, полсотни. Причем я считаю по минимуму, чтобы и вправду не впасть в отчаяние.

На самом деле КН может быть кем угодно.

Сегодня, спустя четырнадцать дней, я стою в школьной столовой со своим глупым бумажным пакетом с сэндвичем, осматриваю эту новую территорию – где все сияющее и дорогое (ученики приезжают в школу на настоящих «БМВ», а не стареньких «Фордах Фокусах» с купленным на «Чбей» значком «БМВ»), – и не знаю, что делать. Я столкнулась с проблемой, с которой сталкиваются все новенькие в любой школе: мне не с кем сесть.

Не стоит и думать о том, чтобы сесть рядом с Тео, моим новоиспеченным сводным братцем, который так нарочито меня не заметил еще в первый день, когда я сказала ему «привет» в школьном коридоре, что я теперь опасаюсь даже смотреть в его сторону. Он везде ходит с девчонкой по имени Эшби (да, это ее настоящее имя), похожей на супермодель на подиуме: театральный готический макияж, неудобная на вид дизайнерская одежда, бледная кожа, розовые волосы, торчащие во все стороны. Тео пользуется популярностью в этой школе. Когда он идет по коридору, все спешат с ним поздороваться, ударив кулаком о кулак, как здесь принято. Мне это странно, потому что в Чикаго его бы давно зачморили. Не потому, что он гей – мои одноклассники в школе Рузвельта не были гомофобами, по крайней мере не явными, – а потому, что он слишком яркий. Чересчур эпатажный. Во всем, что он делает, ощущается некая театральность, но не тогда, когда речь идет обо мне.

Вчера вечером я столкнулась с ним на кухне, и он – без шуток – был в шелковом смокинге, как манекенщик в рекламе одеколона. Да, мои щеки покрывал гутой слой крема от прыщей, и от меня ощутимо несло маслом чайного дерева – в общем, мне посчастливилось предстать перед Тео этаким смехотворным

прыщавым подростком в наиболее карикатурном его проявлении. Но я все-таки потрудилась проявить вежливость и сделать вид, будто нет ничего странного в том, что наши жизни внезапно объединились без нашего ведома и согласия. Я вполне дружелюбно пожелала ему доброй ночи, потому что не видела смысла быть грубой. Все равно наши родители из-за этого не разведутся. В ответ Тео лишь хмыкнул, этак небрежно и элегантно, с явным подтекстом: Убирайтесь из моего дома, вы оба. И ты, и твой папа – искатель богатых невест.

В чем-то он прав. То есть мой папа женился на его маме вовсе не из-за денег. Но нам действительно надо уехать. Собрать чемоданы и прямо сегодня вернуться в Чикаго, хотя это уже невозможно. Наш дом продан. В моей спальне теперь поселилась какая-то семилетняя малявка с обширной коллекцией кукол. Нашего старого дома теперь как бы нет вовсе, как и всей прежней жизни.

Я подумала, что могла бы тихонько съесть свой унылый сэндвич с джемом и арахисовым маслом в библиотеке, но там висит строгое объявление, что с едой вход запрещен. Очень жаль, потому что библиотека здесь великолепная. Пожалуй, это единственное, что мне нравится в новой школе. (В нашей школе Рузвельта в Чикаго библиотеки как таковой нет. Есть закуток, где стоит книжный шкаф, только книги никто не берет. Старшеклассники ходят туда целоваться. Но опять же школа Рузвельта – самая обыкновенная, государственная. А СШВВ – частная школа, причем дорогая; мое обучение здесь оплатила папина новая жена.) В школьной рекламной брошюрке написано, что библиотека подарена каким-то киношным магнатом, чья фамилия у всех на слуху. И мебель здесь необычная – как в тех модных журналах о дизайне, которые папина новая жена стратегически разложила по всему дому. «Оформительская порнография», – называет она их с нервным смешком, сразу дающим понять, что разговаривает со мной она исключительно по обязанности.

Мне не хотелось идти со своим сэндвичем в туалет: в книгах и фильмах в туалете обедают самые жалкие и зачморенные ученики, да и вообще это как-то противно. Лужайку за школой захватили курильщики, но мои легкие мне дороже фальшивой дружбы. Остается кафетерий. Я бы, наверное, только там и обедала, если бы не идиотское название. «Кофеюшечка». Почему кофеюшечка? Кто, вообще, изобретает такие названия? Пока я размышляю и торможу, два мягких кресла в крошечном кафетерии всегда успевают занять другие. Вот и сейчас… В одном кресле сидит странный парень, который изо дня в день ходит в одной и той же старой футболке с Бэтменом и облегающих черных джинсах и читает

толстенные книги. (Он их правда читает? Или они нужны для показухи? Кто в здравом уме будет по собственной воле читать Сартра?) Во втором кресле сидят две хохочущие девчонки и откровенно заигрывают с Бэтменом, чье настоящее имя – Итан. Я это знаю, потому что мы вместе ходим на литературу и классные часы. (В тот первый день я узнала, что этим летом он работал волонтером в музыкальном лагере для детей-аутистов. Уж точно не смешивал фруктовые коктейли для посетителей торгового центра. Что хорошо: он единственный не посмотрел на меня с откровенной жалостью, когда я рассказала о своих увлекательных летних каникулах со смузи, но, с другой стороны, он вообще на меня не смотрел.)

Бэтмен не проявляет интереса к девчонкам, несмотря на все их усилия. Он делает все, что положено по этикету – целует и одну, и другую в обе щеки, – но как-то нехотя, через силу, не глядя в глаза. (Похоже, в этой пафосной школе принято обниматься при встрече и чмокать друг друга в щечку, словно мы двадцатилетние парижане, а не американцы шестнадцати лет, которые все еще чувствуют себя неловко в подобных делах.) Мне непонятно, почему они не оставят его в покое, ведь человек явно не проявляет желания общаться. Но они тормошат его и тормошат, обе такие радостные и задорные, словно старшие классы – сплошное веселье! Неужели нужно повторять дважды? Для большинства из нас старшие классы отнюдь не веселье; для большинства из нас они прямо противоположны веселью.

Речь этих девчонок – сплошные восклицательные знаки и превосходные степени: Итан, ты такой смешной! Самый смешной! Честное слово!

– Пойдем прогуляемся, Ит. Тебе нужно подышать воздухом, – говорит одна из девчонок, блондинка, и ерошит ему волосы, словно он непослушный маленький мальчик. Подростковые заигрывания в Лос-Анджелесе не отличаются от чикагских, хотя я бы сказала, что здешние девчонки ведут себя более шумно, как будто считают, что существует прямая зависимость между тоном голоса и мужским вниманием.

– Не сегодня, – вежливо, но твердо отвечает Бэтмен. У него темные волосы и голубые глаза. Симпатичный, если вам нравятся парни, у которых на лице написано: Идите все к черту. Я понимаю, почему эта девчонка взъерошила ему волосы. Они густые, красивые, соблазнительные.

Но в нем самом ощущается злость. Или грусть. Или и то и другое вместе. Как будто он тоже считает дни, когда закончится школа, и не желает даже притворяться, что ему здесь нравится.

Если уж мы об этом заговорили, остается 639 дней, включая выходные. Даже мне удается изображать человека, довольного жизнью. Почти всегда удается.

У меня не было случая хорошенько его рассмотреть, так чтобы никто не заметил, что я на него таращусь, но я почти уверена, что у Бэтмена есть ямочка на подбородке, и, кажется, он подводит глаза черным карандашом. Хотя, может быть, это не карандаш, а просто темные круги под глазами. У него всегда очень усталый вид, как будто он хронически не высыпается.

– Не хочешь, не надо, – блондинка старательно делает вид, что ее не обидел его отказ, хотя она явно задета. Поджав губы, она плюхается на колени к своей подруге, тоже блондинке, сидящей в кресле напротив. Они так похожи, что поначалу я принимаю их за близняшек. Первая блондинка прижимается ко второй, типа, им больше никто не нужен. Знакомые игры.

Я прохожу мимо, стараясь быстрее добраться до скамейки прямо за дверью. Одинокое место для одинокой унылой трапезы, но зато можно не переживать, что я опять сделаю что-то не то на глазах у почтеннейшей публики.

– Чего уставилась? – рявкает на меня первая блондинка.

Вот они, первые за две недели слова, с которыми ко мне по собственной воле обратился кто-то из учеников средней школы Вуд-Вэлли: Чего уставилась?

Добро пожаловать в джунгли, думаю я. Добро… пожаловать… в… джунгли…

Глава 3

Тут не так уж и плохо, твержу я себе, садясь на скамейку спиной к Бэтмену и стервозным девицам. Да, люди злые. Подумаешь! Люди злые везде.

Зато погода прекрасная, успокаиваю я себя. День выдался солнечный, что, в общем, и неудивительно. Похоже, в Лос-Анджелесе всегда солнечно. Я еще в самом начале заметила, что все старшеклассники щеголяют в дизайнерских солнцезащитных очках, и решила, что они просто выпендриваются, но теперь поняла: это суровая необходимость. Мне приходится постоянно щуриться и прикрывать глаза ладонью, как козырьком, из-за чего я похожа на подслеповатого салютующего бойскаута.

Я очень скучаю по своей лучшей подруге Скарлетт. Она наполовину кореянка, наполовину еврейка. Невысокого роста, зато бойкая и острая на язык. Скарлетт не растерялась бы перед этой блондинистой цацей и нашлась бы что ей ответить. Мне ужасно ее не хватает. Теперь же у меня есть только я, всегда сильная задним умом и готовая вот-вот расплакаться. Я пыталась себя убедить, что смогу выдержать здесь два года. Если мне будет нужна дружеская поддержка, я всегда смогу написать эсэмэску Скарлетт, и она мне ответит, и все будет так, словно она где-то рядом, а не на другом конце страны. Тем более что она отвечает практически сразу, почти всегда. Я не хочу чувствовать себя дурой, мне нужно разобраться, как все устроено в этой школе. На самом деле, КН прав: у меня много вопросов. Мне бы точно не помешало справочное приложение, которое подскажет, как пользоваться школьной карточкой для оплаты обедов, что такое День пользы, и почему в этот день нельзя надевать босоножки, а можно только закрытую обувь. И, наверное, самое главное: список людей, с которыми категорически нежелательны даже случайные зрительные контакты. Чего уставилась?

Блондинки проходят мимо моей скамейки – их попытки вытащить Бэтмена погулять так и не увенчались успехом. Они о чем-то шушукаются и хихикают.

Не надо мной ли они смеются?

– Что, правда?! – громко шепчет она блондинка другой и оборачивается ко мне.

Они настоящие красотки, что одна, что другая. Блестящие волосы золотисто-медового цвета, голубые глаза, чистая кожа. Обе тоненькие и стройные. С большой, пышной грудью. Короткие юбки явно нарушают школьный дресс-код, умелый макияж в четыре слоя, возможно, делался не без помощи обучающих роликов на Ютьюбе. Скажу честно: я бы тоже хотела иметь такую внешность. Ни единого прыщика на лице, прямо зависть берет. В моем лице, даже когда оно более-менее очищается от прыщей, нет ничего выдающегося, зато виден

характер, как не слишком тактично выразилась моя бабушка. Мой потенциал не раскроется с первого взгляда. Если там вообще есть чему раскрываться.

– Бархатная резинка?!

Черт. Я не ошиблась. Они говорят обо мне. В ближайшие два года мне не только не светит завести здесь друзей, но я испытаю на собственной шкуре все прелести школьной травли, о которой снимают сюжеты для «20/20». Может быть, Кто-то Никто – просто розыгрыш, но в одном он/она прав(а): здешняя школа и вправду зона военных действий. Как бы мне не пришлось снимать собственный видеоролик для «Все изменится к лучшему».

У меня горят щеки. Я прикасаюсь рукой к волосам – проявление слабости, да, но это рефлекс. Нет ничего страшного в том, что я ношу бархатную резинку. Я читала на сайте «Rookie», что они опять входят в моду. Скарлетт тоже носит такие резинки, а она в прошлом году победила на конкурсе «Самая стильная девочка школы». В глазах у меня стоят слезы, но я не заплачу. Этого они не дождутся. Да пошли они к черту! Они не заставят меня заплакать.

Пошли они к черту.

– Тише, она тебя слышит, – говорит вторая блондинка и оборачивается ко мне, изображая притворное извинение. Ее голубые глаза горят злым весельем. Сразу видно, что она упивается моим унижением. Они идут прочь, и не просто идут, а вышагивают, как на подиуме. На глазах восхищенных зрителей. Я на всякий случай оглядываюсь, чтобы убедиться, что рядом никого нет. Действительно никого. Они вертят своими роскошными задницами исключительно ради меня.

Я достаю телефон. Пишу сообщение Скарлетт. У меня время обеда, а у нее только что закончились уроки. Меня угнетает, что нас разделяет не только пространство, но и время тоже.

Я: Я сюда просто не вписываюсь. У всех размер 0. Или даже 00.

Скарлетт: О, нет. Хочешь, чтобы я тебя утешала: НЕТ, ТЫ НЕ ТОЛСТАЯ? Мы с тобой потому и дружим, что нас это не парит.

Да, мы с ней не из тех, кто рыдает: «Я ненавижу свои мизинцы! Они какие-то… гнутые». Скарлетт права. У меня есть занятия поинтересней, чем страдать, сравнивая свою тушку с недосягаемым идеалом, который нам пытаются навязать глянцевые журналы. Но, если честно, здесь я и вправду слегка крупновата на общем фоне. Как они этого добиваются? Тут к воде подмешивают слабительное?

Я: И они все блондинки. Все до единой. Такие. Калифорнийские. Блондинки.

Скарлетт: ТОЛЬКО НЕ ПРЕВРАЩАЙСЯ В ОДНУ ИЗ НИХ! Ты мне обещала, что не заразишься ЛА.

Я: Не заражусь. Чтобы им заразиться, надо хоть с кем-то общаться.

Скарлетт: Черт. Все так плохо?

Я: Все еще хуже.

Я быстро делаю селфи и отсылаю его Скарлетт: я, одиноко сидящая на скамейке с моим недоеденным сэндвичем с джемом и арахисовым маслом. Я не стала надувать губы, просто улыбнулась и поставила хештег #День 14. Те две блондинки сложили бы губки бантиком: типа какая я вся сексапильная, – и запостили бы фотки в «Инстаграм». Смотрите, как я эротично не ем свой сэндвич!

Скарлетт: Сними резинку. С этой рубашкой смотрится по-деревенски.

Я снимаю резинку и распускаю волосы. Вот почему мне так не хватает Скарлетт. Возможно, в Чикаго меня никогда не дразнили именно потому, что со мной дружит Скар. Без нее я, наверное, стала бы еще большей рохлей.

Я: Спасибо. С резинкой покончено. Будем считать, я ее сожгла.

Скарлетт: А что там за красавчик влез в кадр?

Я: Что?!

Я смотрю на экран своего телефона. Когда я делала селфи, Бэтмен выглянул в окно. Не то чтобы он специально влез в кадр, но все-таки запечатлел себя для потомков. Получается, у стервозных блондинок все-таки были зрители. Собственно, а чему удивляться? У таких, как они, зрители есть всегда.

Я снова краснею. Я не только толстая корова с идиотской бархатной резинкой, не только жалкая неудачница, которая обедает в одиночестве на скамейке у входа, но меня еще и застали за тем, как я фоткаю это волнующее мгновение моей жизни. Причем застал симпатичный парень. О господи.

Я вызываю меню рядом с фоткой. Нажимаю на кнопку «Удалить». Жаль, что нет такой кнопки, чтобы удалить все остальное.

Глава 4

– Томас Элиот. «Бесплодная земля». Кто-нибудь уже прочел? – спрашивает миссис Поллак, моя новая учительница литературы. Никто не поднимает руку, включая меня, хотя я читала «Бесплодную землю» два года назад, в прошлой жизни. Мама любила поэзию, и томики стихов у нас были разбросаны по всему дому, как указатели в каком-то загадочном квесте, – россыпь замысловатых

подсказок, ведущих даже не знаю куда. Когда мне было скучно, я брала книжку с маминой тумбочки или со столика в ванной, открывала ее наугад и читала. Мне нравилось искать строки, которые мама подчеркивала карандашом. Нравилось искать ее заметки, сделанные на полях неразборчивым почерком. Я часто задумывалась, почему мама выделила именно эту строку.

Но ни разу ее об этом не спросила. Почему я ее не спросила? Когда твой близкий человек умирает, ты потом еще долго терзаешь себя, вспоминая все те моменты, когда мог обратиться к нему с вопросом, но почему-то не обратился, все те случаи, когда ты сдуру решил, что у вас еще много времени впереди. А время – раз, и закончилось. И ничего не осталось. Только призраки воспоминаний, кадры на засвеченной пленке.

В «Бесплодной земле» мама подчеркнула первую строчку и поставила на полях два восклицательных знака: «Апрель – жесточайший месяц».

Почему апрель жесточайший месяц? Я не знаю. Теперь каждый из месяцев кажется по-своему жестоким. Сейчас сентябрь: заточим карандаши. Новый год и не новый. Слишком рано для подведения итогов, слишком поздно для новых свершений.

Мамины книги, упакованные в картонные коробки, плесневеют в камере хранения на складе в Чикаго. Запах бумаги сменяется запахом пыли и сырости. Я стараюсь об этом не думать, стараюсь не думать о разложении материи. О том, что все эти подчеркивания и заметки делались зря.

– Это поэма в четыреста тридцать четыре строки. По объему – как четыреста тридцать четыре твита, – говорит миссис Поллак, и класс смеется.

Она молодая – лет двадцать пять – двадцать семь – и красивая. Пятнистые легинсы под леопарда, кожаные ботильоны с открытым носком, шелковый топ на бретельках, выставляющий напоказ веснушчатые плечи. Миссис Поллак одевается лучше меня. Она из тех учителей, которыми искренне восхищаются ученики, потому что не настолько далека от них, чтобы между ними не было ничего общего.

В первый день она представила меня классу, но не заставила вставать из-за парты и рассказывать о себе, как делали все остальные учителя. Тактичная

миссис Поллак спасла меня от унижения.

– «Бесплодная земля» – произведение непростое. Я бы даже сказала, сложное. Где-то на уровне первого курса колледжа. Но, я думаю, вы с ним справитесь. Ну что, замахнемся?

В ответ раздается несколько неуверенных, вялых «да». Я молчу. Чтобы никто не подумал, что мне больше всех надо.

– Нет, так не пойдет. Вы способны на большее. Ну что, замахнемся?

На этот раз класс взрывается бодрыми воплями, что меня приятно удивляет. Я думала, эти ребята проявляют восторг только по поводу модной одежды, гламурных журналов и дорогущих поездок по миру, чтобы собрать материал для вступительного сочинения в колледж. Может быть, я поспешила с выводами.

– Ладно, я расскажу, как мы будем работать. Вы разобьетесь на пары, и через два месяца каждая пара прочтет в классе доклад о своем видении «Бесплодной земли».

О нет! Нет. Нет. Новеньким в школе и так-то несладко. А когда тебе, новенькой, нужно найти напарника на проект, это уже совсем вилы. Черт.

Я смотрю по сторонам. Тео с Эшби на первой парте. Ясно, что Тео не собирается облегчать жизнь своей сводной сестренке в моем лице. Две блондинки, потешавшиеся надо мной на перемене, сидят справа через проход. Теперь я знаю, как их зовут. Кристель и Джем. Симпатичные имена. Вернее, были бы симпатичными, не будь их обладательницы такими грымзами. Смотрю налево, на девчонку в крутых очках «Уорби Паркер» в черной оправе и драных джинсах. Вроде нормальная. По крайней мере, похожа на человека. На человека, с которым можно подружиться. Но пока я собираюсь с духом, чтобы предложить себя ей в партнеры, она оборачивается к какой-то другой девчонке, и они обо всем договариваются без слов.

Вдруг выясняется, что все остальные уже разбились на пары. Я стараюсь не выдавать своего отчаяния, но понимаю, что дело плохо. Неужели придется поднимать руку и говорить миссис Поллак, что у меня нет партнера? Нет, только не это. А есть варианты? Я уже собираюсь сдаться и все-таки поднять руку, и тут

кто-то стучит меня сзади ручкой по плечу. Я облегченно вздыхаю и оборачиваюсь. Мне все равно, кто это будет. Нищие не выбирают. Бери, что дают.

Не может быть. Бэтмен.

У меня внутри все сжимается. Бэтмен легонько кивает мне, и я вдруг понимаю, что он действительно предлагает работать с ним в паре. Он сверлит меня пристальным взглядом, словно смотрит не на меня, а в меня. Оценивает. Прикидывает, стоит ли тратить на меня время. Я моргаю, опускаю взгляд, киваю в ответ и пытаюсь улыбнуться. Улыбка выходит какой-то бледненькой. Потом я отворачиваюсь и сижу, глядя прямо перед собой и борясь с искушением поднести руки к горящим щекам, чтобы хоть чуточку их охладить.

Весь урок я пытаюсь понять, почему Бэтмен выбрал меня. Может быть, у меня умный вид? Значит ли это, что я выгляжу как лохушка? Мысленно инспектирую свой наряд: клетчатая рубашка, узкие джинсы с отворотами, черные кеды. В Чикаго я так всегда и одевалась. Минус теплая кофта. Нормальный вид, и особенно без «деревенской» бархатной резинки. Моя первая версия: он просто решил сделать доброе дело. Может быть, он увидел, как я отчаянно высматривала хоть кого-то, кто возьмет меня в пару, и «сердце его преисполнилось жалости». Тем более сегодня он был свидетелем, как на меня наезжала Джем. Даже Кен Абернати, у которого, по словам КН, большие проблемы с кишечными газами, и тот мгновенно нашел напарника.

Звенит звонок, мы убираем ноутбуки в сумки (разумеется, я единственная во всем классе таскаюсь с допотопным тяжелым ноутом; у всех остальных – тонкие «книжки» последних моделей). Бэтмен встает рядом с моей партой и смотрит на меня сверху вниз совершенно убийственным взглядом голубых глаз. Мне кажется или в нем действительно есть что-то от социопата? Наверняка он не такой уж плохой. Проявил великодушие, выбрал меня. Я сама, например, не спешила бросаться на помощь новеньким в моей старой школе. Красивый и добрый. Это. Может. Закончиться. Плохо.

Я понимаю, что надо хоть что-то сказать. Нельзя просто таращиться на него и молчать.

– Надо, наверное, обменяться номерами мобильных или типа того? – произношу я с наигранной бодростью и ненавижу себя за это. Я сейчас говорю в точности, как те девчонки, которые вьются вокруг него на переменах. Просто я одичала за этот месяц, отвыкла от разговоров с людьми. Со Скарлетт мы в основном переписываемся. Папа сейчас слишком занят: ищет работу и проводит все время с новой женой. Мы с ним почти и не видимся. Честно сказать, мне сейчас не особенно хочется с ним общаться. Это какой-то совсем другой папа, отрешенный, растерянный, женатый на посторонней женщине, затащивший меня в совершенно чужую жизнь, даже не потрудившись спросить, как я к этому отнесусь. Вот и все люди, оставшиеся в моем мире. Раз, два и обчелся.

– Не. Я все сделаю сам, а напишем, что вместе. – Он не ждет моего согласия. Он просто кивает, как будто я сказала «да». Как будто он задал вопрос и я ответила именно так, как и предполагалось.

Ладно. Может быть, не такой уж и добрый на самом деле.

– Но…

И что но? Мне так хотелось быть с тобой в паре? Мне нравятся твои глаза серийного убийцы? Или еще того хуже: Не бросай меня снова одну? Я так и не договорила. Не знала, что сказать. Просто сидела и смотрела на свой кожаный портфель, который казался мне стильным и очень крутым, пока я не пришла в эту школу.

– Не волнуйся. Получишь пятерку.

Потом Бэтмен уходит. Исчезает так быстро, как будто его и не было вовсе. Как будто он мне привиделся. Супергерой, только наоборот. А я сижу и гадаю, сколько мне еще ждать, пока со мной кто-нибудь заговорит.

Я: Все наладится, да? В конце концов все наладится.

Скарлетт: Даже жалко, что я не люблю ставить смайлики в разговорах. Ты вполне заслужила желтушную рожу с улыбкой. Да, все наладится.

Я: Гы. Просто я… Ладно, забей. Извини, что приходится слушать мое нытье.

Скарлетт: Для того я и нужна. Кстати, то мыло, что ты переслала. Думаю, это ТАЙНЫЙ ПОКЛОННИК.

Я: Кажется, ты обчиталась фантастики. Кто-то решил надо мной приколоться. И прекрати НА МЕНЯ ОРАТЬ.

Скарлетт: Я не сказала, что он вампир. Я сказала: тайный поклонник. Однозначно.

Я: Спорим?

Скарлетт: Ты уже должна знать, что спорить со мной бесполезно. Я всегда права. Это моя волшебная суперспособность.

Я: А у меня есть какая-то суперспособность?

Скарлетт: Пока непонятно.

Я: Большое спасибо.

Скарлетт: Шучу. Ты сильная. Вот твоя суперспособность, малышка.

Я: Да уж, я накачала руки, пока заедала стресс. СТОЛЬКО печенек. Берешь печеньку, подносишь ко рту. Повторить 323 раза. И не надо ходить в спортзал.

Скарлетт: Слушай, без шуток. Если ты сильная, это не значит, что ты не должна просить помощи. Помни об этом. Я на связи, ВСЕГДА, но если кто-то еще предлагает помощь, не надо отказываться.

Я: Ладно. Как скажешь. Спасибо, доктор Фил. Я по тебе жутко скучаю!

Скарлетт: Я тоже скучаю. Напиши КН. ПРЯМО СЕЙЧАС. И скажи мне правду. Там у вас в школе есть кто-то противоестественно бледный?

Кому: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

От кого: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

Тема: Вызываю своего духа-наставника

Взываю о помощи. Ты прав насчет зоны военных действий. Похоже, одной мне не справиться. Вопреки здравому смыслу я надеюсь, что тебе можно доверять. Твое предложение с «задавай мне любые вопросы» все еще в силе? (И если ты Дина, празднуй победу. Ты меня сделала.)

Кому: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

От кого: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

Тема: к вашим услугам, моя госпожа

вот теперь мне любопытно: что там за Дина, которая жаждет твоей крови? мое предложение все еще в силе.

Кому: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

От кого: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

Тема: Делаю виртуальный реверанс.

История с Диной совершенно банальная. Глупые девчачьи разборки. Кстати, ты говорил, есть коротенький список людей, с кем можно дружить. Не хочу показаться совсем отчаявшейся, но с удовольствием выслушаю советы знающего человека.

что такое День пользы и что случится с моими ногами, если я приду в босоножках?

эти странные карточки для оплаты обедов, как они действуют? На них уже есть какие-то деньги или что?

Кому: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

От кого: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

Тема: пальцы всмятку

начнем с Адрианны Санчес. она стеснительная и не заговорит с тобой первая. но она классная, умная и прикольная, когда узнаешь ее получше. почему-то мне кажется, вы с ней подружитесь.

день общественно-полезной работы под лозунгом «Жилье для человечества». упорный труд на благо общества с молотками наперевес. молоткам свойственно падать, отсюда закрытая обувь. твои кеды вполне подойдут. кстати, они крутые.

деньги на карточку кладешь сама. автомат у столовки принимает только десятки, двадцатки и кредитные карты.

Гм. Может быть, этот КН знает меня куда лучше, чем мне представлялось. Адрианна Санчес – та самая девчонка в очках «Уорби Паркер», которая сидит рядом со мной на уроках литературы. Которая напоминает моих подруг из Чикаго. Мне приятно, что он похвалил мои кеды. Какая я все-таки дура.

Кому: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

От кого: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

Тема: Один процент

Кредитные карты? Да ладно! Здесь все такие богатые?

Кому: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

От кого: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

Тема: не желаете ли прокатиться на моем личном вертолете?

ну, у нас учится пара ребят на дотации, но вообще обучение в СШВВ стоит бешеных денег, как тебе наверняка известно. такова горькая правда.

Пишем черным по белому: причина № 4657, по которой мне здесь не место. Мой папа не киношный магнат, а простой фармацевт. В Чикаго мы вовсе не бедствовали. Мы жили нормально. Но у нас не было кредитных карт. Я подрабатывала после школы, отоваривалась в «Таргете» или «Гудвилле», расплачиваясь наличными из своих сбережений, и, прежде чем заказать чашечку кофе за пять долларов, всегда прикидывала в уме, стоит ли тратить на это излишество сумму, которую я зарабатываю за час.

Моих родителей мало интересовали деньги, модные шмотки и прочие пафосные штуковины, без которых немыслима здешняя жизнь. Я не выпрашивала у родителей денег на дорогую дизайнерскую одежду. Во-первых, это совсем не мой стиль, а во-вторых, если бы я заикнулась о чем-то подобном, мама наверняка прочитала бы мне нотацию. Даже не потому, что нам это было не по карману – повторяю еще раз: мы вовсе не бедствовали, – а потому, что, по мнению мамы, именитые бренды были пустой шелухой. Глупые цацки для глупых людей. Деньги, которые удавалось откладывать им с отцом, они тратили на путешествия или благотворительность. Копить надо не вещи, а опыт, говорила мне мама и пересказывала какую-то большую статью по социальным исследованиям, где приводились убедительные доказательства того, что счастье не купишь за деньги. Я не всегда с ней соглашалась – помню, как мы поругались из-за вечернего платья за двести долларов, которое я хотела надеть на школьный бал, – но теперь горжусь тем, как меня воспитали, даже если из-за этого воспитания совершенно не вписываюсь в компанию в новой школе. Чужак в чужой стране, как он есть.

Моя признательность Бэтмену вдруг превращается в ярость. Не много ли он на себя берет?! В отличие от здешних богатеньких деток я надеюсь добиться бюджетного места в колледже. Он обещал мне «пятерку», но откуда я знаю, что ему можно верить? А если миссис Поллак узнает, что мы не работали вместе? При зачислении в школу я подписала бумагу, что ознакомилась со школьным кодексом чести и обязуюсь не нарушать здешних правил. Формально подобный обман можно расценивать как нарушение обязательств. С записью в личное дело.

Завтра мне нужно набраться смелости и сказать Бэтмену, что либо мы честно работаем вместе, либо я прошу миссис Поллак найти мне другого партнера. Меня бесит, что нам столько задают на дом. На выполнение всех заданий уходит часов пять каждый вечер, а мне еще нужно выкроить время, чтобы устроиться где-нибудь на подработку. Меня бесит, что Скарлетт так далеко. Меня бесит Тео,

который только что вернулся домой и даже из вежливости не сказал мне «Привет», хотя я сидела в гостиной и он меня видел. Меня бесит даже отец, который притащил меня сюда и бросил на произвол судьбы. Мол, разбирайся сама. Ему сейчас не до меня.

Маму коробило, когда я говорила «бесит». В этом слове ей слышалась неблагодарность и мелочная придирчивость человека, считающего, что ему все должны. Представляю, как она рассердилась бы, если б узнала, что я так говорю об отце. Но, с другой стороны, мамы нет, папа женился на другой женщине. Старые правила утратили силу.

Кому: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

От кого: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

Тема: Маленькое наблюдение

Эй, дух-наставник. Не хочу показаться неблагодарной, но все-таки выскажусь: ПАРШИВАЯ У ВАС ШКОЛА.

Кому: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

От кого: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

Тема: а то я не знаю.

прямо открыла Америку. и не надо орать. у меня голова разболелась от твоих воплей.

Глава 5

– Вот мы и дома! – так сказал папа, когда мы с ним впервые вошли в дом его новой жены. Папа широко раскинул руки, как бы говоря: Неплохо, да?

Наш дом в Чикаго был скромным, приземистым, с низкими потолками – этакий коренастый, крепко сбитый борец. Этот же дом – настоящий король выпускного бала: высокий, холеный, с идеальными белоснежными зубами, победитель по жизни. Белые кожаные диваны. Белые стены. Белые книжные полки. Мало того, что папина новая жена платит за мое обучение. Теперь я еще постоянно трясусь, как бы не насажать жирных пятен от рук на эту ослепительную красоту.

Здесь мы не дома. Возможно, кому-то покажется странным, что я поселилась в особняке прямиком из телешоу «По домам!» и чем-то еще недовольна, но я очень скучаю по нашему старому дому, который Пателы купили в первый же день, как только папа выставил его на продажу. Теперь в моей комнате спит Аиша. В моей прежней комнате, где со стен сняты старые киноафиши, и коллажи из книжных обложек, и наши со Скар фотографии, на которых мы корчим смешные рожи. Здесь меня поселили в одной из многочисленных гостевых спален, каждая из которых обставлена с таким расчетом, чтобы сразу отбить охоту злоупотреблять гостеприимством хозяев. Я сплю на антикварной кушетке – она хорошо бы смотрелась в качестве декорации на картинках в стиле пин-ап, где фигуристые красотки демонстрируют свои подвязки, – но спать на ней невозможно. В ванной, смежной со спальней, лежит дорогущее мыло с фирменными монограммами. Слишком шикарное, чтобы к нему прикасаться, не говоря уже о том, чтобы им мыться. Стены украшены произведениями абстрактного искусства, напоминающими поделки не слишком старательных третьеклассников. Единственное, что я добавила к обстановке, – Бесси, мою игрушечную плюшевую корову, и крошечную фотографию мамы и восьмилетней меня. Я повисла на ней, словно маленькая обезьянка, обхватив руками и ногами, хотя была уже слишком большой для этого. Я смотрю на нее снизу вверх, она на меня – сверху вниз. В ее глазах – смех и любовь, в моих – обожание и страх. Я хорошо помню тот день, когда сделали этот снимок. Маме надо было куда-то уйти, и она пригласила няню, но эта няня меня пугала, и я не хотела отпускать маму, потому что вбила себе в голову, что если она сейчас выйдет из дома, то уже никогда не вернется.

– Тебе здесь нравится? – спросил папа, когда внес в «мою комнату» всю мою жизнь, уместившуюся в две большие спортивные сумки. Папа был взволнован и счастлив, словно маленький мальчик, который вел себя хорошо и теперь ждет похвалы, и мне не хотелось портить ему настроение. Когда мама слегла, папа

сделался совершенно беспомощным. Это произошло очень быстро. Еще вчера все держалось на ней, мама была здоровой и бодрой, а сегодня вдруг разом лишилась сил. Диагноз: «рак яичников», четвертая стадия. Мама сделалась такой слабой, что не могла даже подняться с кровати, не говоря уж о том, чтобы заниматься повседневными делами: готовить еду, ездить по магазинам, следить, чтобы вовремя пополнялся запас туалетной бумаги.

Из-за сильных переживаний папа похудел, у него выпали волосы, как будто это он, а не она проходил химиотерапию и облучение. Как будто он был ее отражением в зеркале. Или сиамским близнецом. Одна половинка единого целого. Увядает одна – увядает другая. Лишь через два с лишним года (747 дней, я посчитала) папа начал набирать вес. Снова стал похож на человека, а не на бледную тень. Снова стал мужчиной, отцом, а не растерянным мальчиком. Еще несколько месяцев после маминой смерти он задавал мне вопросы, из которых делалось ясно, что он совершенно не представляет себе, как устроена наша с ним повседневная жизнь. Где у нас совок для мусора? Как зовут твоего классного руководителя? Как часто ты ходишь на медосмотр?

Папа работал с утра до вечера, а когда не работал, занимался делами: вел переговоры со страховыми компаниями и оплачивал медицинские счета, продолжавшие приходить еще долго после того, как мамы не стало. Я не беспокоила папу домашними делами. Установила программу автоматической доставки бумажных полотенец и туалетной бумаги, пополняла запасы продуктов, покупала на месяц вперед зерновые батончики и овсяную кашу быстрого приготовления. В тот первый год у меня еще не было водительских прав, и я заказывала себе лифчики в интернет-магазинах. И гигиенические прокладки. Я искала в Сети ответы на все вопросы, которые задавала бы маме, если бы у меня была мама.

Мы как-то справились. Мы оба. Первое время все наши силы уходили на то, чтобы хоть как-то держаться, и я почти позабыла, как все было раньше. Когда мы были втроем. Помню, еще совсем маленькой я забиралась в кровать к родителям и устраивалась между ними. Это у нас называлось сэндвичем с Джесси. У нас был счастливый союз трех; три – идеальное, гармоничное число. У каждого своя роль. Папа работал и смешил нас с мамой. Мама тоже работала, но неполный день, и занималась домашним хозяйством. А я была просто их дочкой, их радостью, их малышкой, окруженной теплом и любовью.

Прошло 747 дней, и я до сих пор не совсем понимаю, как об этом рассказывать. В смысле, я могу рассказать, как покупала туалетную бумагу, как нам было плохо, как мне было плохо. Но я не нахожу нужных слов, чтобы говорить о маме. О ней настоящей. У меня еще не получается вспоминать маму так, чтобы сердце не рвалось в клочья. Я пока не освоила эту премудрость. Иногда мне начинает казаться, что я вообще разучилась говорить с людьми.

– Потрясающий дом, папа, – сказала я, потому что это чистая правда. Дом потрясающий. Если уж мне суждено стать пленницей злой мачехи, остается только порадоваться, что меня заточили во дворце со страниц «Архитектурного вестника». Могло быть и хуже. Я не буду жаловаться на то, что здесь напрочь отсутствует ощущение тепла и уюта – не какого-то особенного тепла и уюта для меня лично, а тепла и уюта вообще – и что меня не покидает гнетущее чувство, будто я поселилась в музее, где меня окружают одни незнакомцы. Не хочу показаться мелочной и занудной. Тем более мы оба знаем, что проблема не в этом. Проблема в том, что мы остались без мамы. Ее больше нет. И уже никогда не будет. Я стараюсь об этом не думать, но если все-таки думаю, то понимаю, что мне, в общем, без разницы, куда приходить ночевать.

По сравнению с некоторыми вещами все остальное настолько ничтожно, что даже не стоит упоминания.

Когда-то нас было трое, а теперь стало вообще непонятно. Новая неопознанная фигура. Перекошенный параллелограмм.

– Зови меня Рейчел, – сказала мне папина новая жена, когда мы с ней познакомились. Это было смешно. А как еще мне ее называть? Мамой? Мисс Скотт? (Ее девичья фамилия. Хотя нет, не девичья. Это фамилия ее первого мужа.) Или, совсем уж нелепо, ее новым именем, именем моей мамы: миссис Холмс? В моем представлении она остается папиной новой женой; мне до сих пор трудно свыкнуться с этой мыслью. Папина новая жена. Папина новая жена. Папина новая жена. Три слова, категорически не согласующиеся друг с другом.

– Зовите меня Джессикой, – отозвалась я, потому что не знала, что еще можно сказать. Для меня стало сюрпризом само ее существование. Я не знала, что у папы есть женщина. Он несколько раз ездил в командировки – говорил, что на фармацевтические конференции, – и мне даже в голову не пришло усомниться, хотя раньше у него никогда не было командировок. Я решила, что он с головой погрузился в работу, точно так же, как я погрузилась в учебу, – чтобы забыться.

Я была даже рада, оставаясь дома одна на целые выходные. (Пользовалась ли я случаем, чтобы устраивать разнузданные вечеринки, когда подростки пьют пиво из пластиковых стаканчиков и блюют на лужайке у дома? Нет. У меня ночевала Скарлетт. Мы готовили в микроволновке попкорн и пересматривали наши любимые сериалы.)

Но однажды папа вернулся из очередной «командировки» и стал рассказывать, как он влюбился. Я заметила у него на пальце новое кольцо. Блестящее и холодное. Серебро, злой металл. Как оказалось, вместо того чтобы ехать в Орландо изучать свойства «Сиалиса», он улетел на Гавайи с женщиной, с которой познакомился по Интернету на форуме поддержки людей, переживших смерть близких. Сначала я подумала, что он шутит, но у него тряслись руки, и он судорожно улыбался одной половинкой рта, как всегда улыбается, когда нервничает. Потом была длинная, страшная речь о том, что он понимает, как все будет непросто: новый город, новая школа и все такое. Эту часть он проговорил так быстро, что мне пришлось заставить его повторить все сначала, чтобы убедиться, что я не ослышалась. Именно в том разговоре впервые прозвучало слово «Лос-Анджелес».

Шаг вперед, сказал папа. Шанс начать новую жизнь. Подходящий момент, чтобы выбраться из болота. Так он это назвал. Болото.

Я и не знала, что мы погрязли в болоте. «Болото» – слишком слабое слово для скорби.

Он загорел. Его лицо раскраснелось после трех дней на пляже. Я все еще была бледной после чикагской зимы. Мои пальцы, наверное, пахли маслом. Я не плакала, нет. Когда прошло первое потрясение, я вдруг поняла, что мне почти все равно. Иногда, когда Скарлетт говорит, что я сильная, мне кажется, она имеет в виду, что я просто бесчувственный чурбан.

Рейчел – миниатюрная женщина с удивительно громким голосом. Она не говорит, она провозглашает: Зови меня Рейчел! Если тебе что-то нужно, скажи Глории, чтобы добавила в список покупок! Не стесняйся! Она прекрасно готовит! Я сама даже яйцо не сварю! Сегодня на пилатесе я чуть не сдохла!

Она меня утомляет.

Сегодняшнее объявление: «Семейный ужин!» До сих пор мне удавалось избегать общих застолий. Рейчел приходит с работы поздно, они сейчас продюсируют новый фильм – героический боевик/научную фантастику под названием «Космические террористы», – и она обещает, что это будет «блокбастер с большой буквы «Б»! В те вечера, когда папа не ходит с Рейчел на деловые обеды («Надо заводить знакомства!» – без устали провозглашает она), он прилипает к компьютеру – ищет работу. Тео почти не бывает дома, он целыми днями сидит у Эшби, и они вместе опустошают запасы продуктов, которые ее мама подбирает для своей зональной диеты.

Обычно я ем в своей спальне. Чаще всего сэндвичи с джемом и арахисовым маслом, которые покупаю сама, или лапшу быстрого приготовления. Мне неудобно просить Глорию, чтобы она добавляла мои продукты в свой список покупок. Глория – здешняя домоправительница, что бы это ни значило. «Она у нас как член семьи!» – провозгласила Рейчел, когда нас знакомила, хотя, насколько я знаю, члены семьи не носят униформу. В доме есть и другие работники из латиноамериканцев: садовник, уборщицы и прочие незаметные люди, которым платят за то, чтобы они меняли перегоревшие лампочки, чинили сантехнику и так далее.

– Ребята, спускайтесь в столовую! Сегодня мы ужинаем все вместе, нравится вам это или нет!

Эта последняя фраза произносится полушутя, типа: Ха-ха, правда, смешно получилось? Я знаю, что вам двоим это претит. Жить в одном доме. Есть за одним столом. Жизнь – прикольная штука.

Может быть, я ее ненавижу. Я еще не решила.

Я выглядываю из спальни и вижу, что Тео уже спускается вниз. На голове у него – огромные наушники, целая переносная стереосистема. Неплохая идея. Я хватаю свой телефон, чтобы за ужином переписываться со Скарлетт.

– Нет, правда, мам, – говорит Тео, не снимая наушников, и поэтому его голос звучит еще громче обычного. У этих людей напрочь отсутствует внутренний регулятор громкости. – Нам обязательно нужно изображать счастливое семейство? Как будто мало того, что они здесь поселились.

Я смотрю на папу и закатываю глаза, чтобы показать, что слова Тео меня не задели. Он улыбается мне нервной улыбкой, когда Рейчел не смотрит. Если Тео решил изображать гадкого мальчишку, я сделаю наоборот. Притворюсь идеальным ребенком, и пусть Рейчел будет стыдно за своего избалованного сыночка. Я притворюсь, что совсем не сержусь на отца за то, что он притащил меня в этот дом и даже не потрудился спросить, нравится мне это или нет. Я теперь мастерица по части притворства.

– Выглядит аппетитно. Что это? – спрашиваю я, потому что это правда. Мне уже надоели лапша и сэндвичи. Мне нужны свежие овощи.

– Киноа и жаркое из морепродуктов с китайской капустой, – объявляет Рейчел. – Тео, пожалуйста, сними наушники и прекрати грубить. У нас есть хорошие новости.

– У тебя будет ребенок, – говорит Тео с каменным выражением лица, а потом сам смеется над собственной шуткой, нисколечко не смешной.

Нет, только не это. А такое возможно? С физиологической точки зрения? Сколько лет Рейчел? Спасибо, Тео, благодаря тебе к моему списку самых больших страхов добавляется еще один пункт.

– Очень смешно. Нет. Билл сегодня устроился на работу! – Рейчел улыбается так, словно мой папа исполнил у нас на глазах потрясающий трюк: сделал тройное сальто назад и чистенько приземлился. Она не переоделась после работы. На ней белая блузка со щегольским галстуком-бабочкой и черные брюки с атласными вставками по бокам. Не знаю почему, но она всегда носит вещи, которые болтаются и свисают: галстуки, кисточки, кулоны, шарфы. У нее темные волосы, стрижка каре, идеально прямая. Это геометрическое совершенство ее старит, несмотря на грамотный ботокс. Слишком много прямых, резких линий. Хотя Рейчел меня раздражает, надо отдать ей должное: она искренне рада за папу. Его зарплата, скорее всего, будет немногим больше, чем Рейчел платит Глории. И все-таки можно вздохнуть с облегчением. Теперь я смогу попросить денег у папы, чтобы продержаться, пока не устроюсь работать сама.

– Давайте выпьем! – провозглашает Рейчел и, к моему изумлению, наливает нам с Тео вина. Папа молчит, я тоже молчу; мы умеем изображать цивилизованных европейцев. – За новые старты!

Мы чокаемся, я отпиваю глоток вина и утыкаюсь в свою тарелку. Стараюсь не встречаться взглядом с Тео – пишу сообщения Скарлетт, держа телефон под столом.

– Дорогой, я так рада. И не пришлось долго искать! – Рейчел улыбается папе и стискивает его руку. Он улыбается ей в ответ. Я смотрю в телефон. Я еще не привыкла видеть их вместе в образе влюбленных молодоженов. Как они обнимаются, держатся за руки. Наверное, я никогда к этому не привыкну.

– Где ты будешь работать? – спрашиваю я не столько из искреннего интереса, сколько в надежде, что, если я заговорю, Рейчел отпустит папину руку. Номер не проходит.

– Как раз через дорогу от вашей школы. Пока простым фармацевтом, а потом старшим администратором в аптечном отделе в «Ральфсе», – говорит папа.

Интересно, а он не чувствует себя униженным от того, что его новая жена зарабатывает в разы больше, чем он? Или он считает, что это нормально? Когда я возразила против того, чтобы она оплачивала мне учебу, папа сказал: «Не говори ерунды. Это не обсуждается».

Это было всерьез. Очень многое не обсуждалось: его женитьба, наш переезд, новая школа. Пока мама была жива, в нашей семье царила демократия. А теперь началась диктатура.

– Эй, погодите, – говорит Тео и наконец-то снимает наушники. – Только не говорите, что вы пойдете работать в «Ральфс».

Папа растерянно моргает, смущенный воинственным тоном Тео.

– Ну да. В «Ральфс». На бульваре Вентура. – Папа старается держаться непринужденно.

Он не привык к откровенной агрессии. Он привык к моему вялому послушанию с редкими вспышками злости. Когда я бешусь, я запираюсь у себя в комнате и врубаю громкую музыку. Может, я и страшна в гневе, только этого никто не видит.

– Неплохие условия. Соцпакет. Медицинская страховка с включенной стоматологией. Сначала пройду стажировку. Интернатуру. Потом сдам квалификационный экзамен, получу разрешение на практику в Калифорнии. Во время интернатуры выплачивается зарплата. Пройду аттестацию и займусь тем же, чем занимался в Чикаго. – Папа издает нервный смешок и улыбается одной половинкой рта. Он как будто оправдывается перед Тео.

– Вы устроились на работу в супермаркет рядом с МОЕЙ школой?! – орет Тео.

– В аптечный отдел. Я фармацевт. Ты же знаешь, что я фармацевт? Он знает? – обращается папа к Рейчел, которая сидит со сконфуженным видом. – Я не стою за бакалейным прилавком.

– Вы. Надо мной. Издеваетесь. Мама, это не шутка?

– Тео, не распаляйся, – говорит Рейчел, вытянув руку над столом.

Кто все эти люди? – думаю я уже не в первый раз. Не распаляйся?

– Как будто мне недостаточно унижений. Теперь еще все мои друзья увидят, как он обслуживает покупателей в супермаркете с идиотским беджем на груди. – Тео швыряет вилку через всю комнату и поднимается из-за стола.

Я вижу пятно от соевого соуса на белом стуле и еле сдерживаю порыв побежать за средством для чистки мебели. Или это работа Глории?

– Мне и так-то херово, а тут еще вы… – Тео уносится прочь, топая ногами и сердито пыхтя, словно обиженный четырехлетний ребенок.

Это настолько наигранно, что мне хочется рассмеяться. Он что, посещал театральный кружок? Их там учили закатывать истерику? Я бы, наверное, расхохоталась, если бы не увидела папины глаза. Грустные и потухшие. Униженные.

– Тео, не выражайся! – возмущается Рейчел, хотя Тео давно ушел. И ему все-таки не четыре, а уже шестнадцать.

В детстве я любила играть в аптеку. Я надевала мамин белый фартук и раздавала плюшевым игрушкам сладкие овсяные колечки, которые насыпала в пустые пузырьки из-под лекарств. Папа мне их приносил с работы. Я очень гордилась своим отцом вплоть до маминой смерти, и даже потом у меня вызывала сомнение только его способность справляться с бытом, а вовсе не профессиональные качества. Мне самой нравилась мысль, что папа будет работать в «Ральфсе», через дорогу от школы. Я по нему скучаю. В этом доме слишком много комнат, где можно спрятаться друг от друга.

Тео с его богатенькими друзьями пусть идет к черту: в Чикаго у папы не было медицинской страховки с включенной стоматологией.

Мой папа законченный оптимист. Я сомневаюсь, что он понимал, как нам будет трудно. Или, может быть, там, в Чикаго, когда мы остались вдвоем, он подумал: Вряд ли в Калифорнии будет хуже.

– Я не могу устроиться на эту работу, потому что он будет меня стыдиться? – спрашивает папа, растерянно глядя Рейчел. Я отвожу взгляд. Не потому, что смущаюсь сама, а чтобы не смущать папу. – Но мне нужна работа.

В тот же вечер, чуть позже. Я сижу на веранде, смотрю на холмы, мерцающие огоньками, словно волшебные фонарики. Представляю себе, как другие семьи в других домах сидят за столом или уже закончили ужинать и теперь моют посуду. Если там кто-то ссорится, это привычные ссоры. Знакомый сценарий. Проетые плеши. Все как всегда. В этом доме мы чужие друг другу. Не семья. Посторонние люди.

Мне странно думать, что раньше здесь, в этом доме, все было иначе. Когда нас с папой не было и в помине. Когда был жив отец Тео. Может быть, они каждый день ужинали все вместе, как мы с мамой и папой в той, другой, жизни?

Телефон у меня с собой, но я слишком устала, чтобы писать Скарлетт. Так устала, что мне даже лень посмотреть, нет ли в почте письма от КН. Да и зачем? Скорее всего он такой же спесивый дебил, как и все остальные в Вуд-Вэлли. Он, кстати, этого и не скрывает.

У меня за спиной открывается дверь, но мне лень оборачиваться и смотреть. Тео плюхается на свободный шезлонг рядом со мной и достает из кармана пачку

папиросной бумаги и пакетик с травой.

– Знаешь, я не такая уж сволочь, – говорит он, ловко скручивая косяк.

– У меня пока не было случая убедиться в обратном, – говорю я и тут же жалею о сказанном. Почему нельзя было просто ответить: Еще какая! Или: Отвянь. Почему я иногда изъясняюсь, как шестидесятилетняя старуха. – А если мама увидит?

– Сто процентов легально и исключительно в лечебных целях. По рецепту психотерапевта.

– Да ладно!

– Без шуток. Снимает тревожность, предотвращает панические атаки. – В его голосе я слышу улыбку и улыбаюсь в ответ.

Только в Калифорнии, думаю я. Он протягивает мне косяк, но я качаю головой. Папе хватит одной травмы в день. Ему вовсе незачем видеть, как его паинька-дочка курит траву с его новым приемным сыном. Для фармацевта мой папа на удивление консервативен во всем, что касается фармацевтических препаратов.

– Мать все равно только вздохнет с облегчением, что это всего лишь трава. В прошлом году умер парень из нашей школы. Передоз героина.

– Кошмар, – говорю я. В моей старой школе наркотики пробовал каждый третий. Вряд ли здешние детки употребляют что-то уж совсем лютое. Все то же самое, разве что стоит дороже. – Ему тоже выписывали рецепты? От чего, интересно?

Тео смотрит на меня странно. До него не сразу доходит, что я пошутила. Я вечно шучу невпопад и некстати. И временами впадаю в чернуху. Ну, ничего. Пусть знает, что я не такая уж белая и пушистая.

– Знаешь, в другой ситуации мы бы смогли подружиться. С тобой все не так плохо. В смысле, Эшби пришлось бы с тобой поработать по смене имиджа, но тут хоть есть с чем работать. По-своему ты даже крутая. Прикольная. – Тео смотрит прямо перед собой, адресуя эти сомнительные комплименты холмам в россыпи

ночных огней. – Но твой папашка – тот еще дятел.

– А ты та еще сволочь, – говорю я. – На самом деле.

Тео смеется и ежится на воображаемом ветру. По вечерам здесь прохладно, но все-таки жарковато для теплого шарфа, которым он обмотал себе шею. Он подносит сигарету ко рту и глубоко, жадно затягивается. Я никогда не курила траву, но понимаю, чем она привлекает других. Я чувствую, как он расслабляется, как его напряжение сходит на нет. Я тоже расслаблена после бокала вина. Жалко, Рейчел не предложила налить мне еще. От такого подарка я бы не отказалась.

– Я в курсе. Но ты хоть представляешь, каково мне теперь будет в школе? Из-за него?

– Мне тебя совершенно не жалко.

– Тебе и не надо меня жалеть.

– Мне тоже паршиво. Мне в сто раз хуже. – Как только я произношу это вслух, я понимаю, что так и есть. Папа, ты был не прав: здесь еще хуже. Здесь вообще вилы. – Дома, в Чикаго, у меня была жизнь. У меня были друзья. Люди, которым было не западло поздороваться со мной в школе.

– Мой папа умер от рака легких, – ни с того ни с сего говорит Тео и снова затягивается косяком. – Поэтому я и курю. Если он пробегал по десятку миль в день и все равно умер от рака легких, то какой смысл мучить себя заботами о здоровье?

– В жизни не слышала такой глупости.

– Да я понимаю… – Тео тушит недокуренную папиросу и убирает в карман на потом, поднимается с шезлонга и смотрит мне прямо в глаза. Даже не верится, что это тот самый Тео, который сегодня устроил истерику в столовой. – Слушай, как бы там ни было, мне действительно жаль, что все так получилось с твоей мамой.

– Спасибо. А мне жаль, что все так вышло с твоим отцом.

– Спасибо. Кстати, ты не могла бы обедать и ужинать в кухне? Глория мне уже плешь проела насчет тебя. Она говорит, из-за этой лапши ты скоро станешь guapo.

– Я стану красавицей из-за растворимой лапши?

– Gordo. Gorda. Как там, не помню. Короче, толстой коровой. Все, полминуты заботы о ближнем закончились. Лимит добрых дел на сегодня исчерпан.

– Ну разве не сволочь? – Я произношу это с улыбкой. Он не такой уж плохой. Ни разу не славный малый, но неплохой.

– Зная мою сволочную натуру, ты должна понимать, что вряд ли я стану здороваться с тобой в школе, – говорит он, и у меня вдруг мелькает безумная мысль, что КН – это Тео.

– Я уже поняла.

Тео быстро кивает мне, почти по-дружески, и идет в дом.

Глава 6

Кому: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

От кого: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

Тема: У меня кончились умные заголовки

У тебя когда-нибудь было чувство, что вся твоя жизнь – бесконечный кошмар, и ты надеешься, что проснешься, но проснуться так и не удается?

Кому: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

От кого: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

Тема: Спящая красавица

ээээ… да. все так плохо?

Кому: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

От кого: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

Тема: Скорее законченная истеричка

Нет. Не совсем. Извини. У меня легкий приступ жалости к себе. Зря я тебе написала.

Кому: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

От кого: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

Тема: мое предсказание из печенья

извиняться не надо.

знаешь, есть мнение, что количество счастья, отпущенное в старшей школе, обратно пропорционально успеху в дальнейшей жизни.

Кому: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

От кого: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

Тема: Спокойной ночи

Да? Тогда можешь меня поздравить. Я стану властительницей мира.

Кому: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

От кого: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

Тема: Ответ: Спокойной ночи

нет. властелином мира стану я.

Сейчас полночь. Я лежу в постели и прислушиваюсь к незнакомым звукам за окном. Калифорния даже звучит по-другому. Очевидно, что в этих холмах есть койоты, а также могут случаться пожары и оползни. Есть о чем беспокоиться. Мы здесь постоянно на грани апокалипсиса.

Я не могу просто лежать и ждать, пока не случится одно из двух: либо меня одолеет сон, либо наступит завтра. Голова идет кругом от горьких мыслей. Чашка чая. Вот что мне нужно. Что-то теплое и успокаивающее. Ромашка везде одинаковая на вкус, и в Лос-Анджелесе, и в Чикаго. Я встаю с кровати, надеваю пушистые тапочки в виде кроликов – мама мне их подарила на день рождения, на тринадцать лет, они уже старенькие и слегка жутковатые: оба кролика потеряли по глазу. Я спускаюсь по лестнице, стараясь не шуметь, чтобы никого не разбудить.

В темноте кажется, что до кухни идти далеко. Надо пройти через всю гостиную, и я боюсь опрокинуть что-нибудь по пути. Я иду медленно, вытянув перед собой руки, словно лунатик или подслеповатый зомби. И тут вижу их.

Папа и Рейчел сидят, тесно прижавшись друг к другу, на диванчике в боковой нише. Сидят при свете единственного торшера. Слава богу, я стою за колонной, и им меня не видно. Эта сцена меня смутила и даже слегка оглушила, потому что они не похожи на чужих друг другу людей, решивших связать свои судьбы от одиночества и безысходности. Они похожи на настоящую влюбленную пару.

Это мгновение истинной близости. Не как сегодня за ужином, когда Рейчел взяла папу за руку. Теперь мне кажется, что тот ее жест был адресован скорее мне и Тео. А сейчас они только вдвоем. Сидят в обнимку, рассматривают альбом с фотографиями, раскрытый у них на коленях. Я раньше не видела этот фотоальбом. Наверное, он принадлежит Рейчел. Она показывает моему папе свои фотографии до того, как? Фотографии ее мертвого мужа? Наглядные подтверждения, что в этом доме когда-то жила нормальная семья? Мне не слышно, что говорит Рейчел, но, кажется, она плачет. Она сидит сгорбившись, папа гладит ее по лицу, берет его в ладони, словно это какая-то хрупкая ценность, которую очень легко разбить. Может быть, он тоже плачет.

Мое сердце колотится, как сумасшедшее. Я представляю себе фотографии в этом альбоме. Может быть, там есть снимок пятилетнего Тео, которого мама с папой качают в воздухе, держа за руки с двух сторон. В нашем собственном семейном альбоме такая фотография есть. Мама справа, папа слева, а я качаюсь посередине, пойманная в объектив на волшебном взлете, и улыбаюсь так широко, что видна дырка на месте выпавшего молочного зуба. Интересно, папа показывал Рейчел наши фотографии? Неужели он так просто взял и отдал этой женщине все, что было только нашим?

Глаза щиплет от слез, но я стараюсь не разреветься. Я не совсем понимаю, почему мне хочется плакать. Мне вдруг кажется, что все пропало. Уже ничего не исправить. Меня накрывает волной безысходности, как это бывает среди ночи, когда ты одна. Как это бывает, когда ты наблюдаешь, как твой отец утешает свою новую жену. Как это бывает, когда тебе тоже больно, но утешить тебя некому.

Я потихонечку пячусь назад. Обратный путь кажется в сто раз длиннее. Я надеюсь, что они меня не заметят. Надеюсь уйти до того, как они начнут целоваться. Не желаю на это смотреть, не могу. Наконец добираюсь до лестницы. Заставляю себя подниматься медленно и тихо – не бежать, теряя своих одноглазых кроликов.

Глава 7

День № 15: лучше, хуже и, может быть, лучше. Солнце по-прежнему жарит вовсю. Одноклассники все такие же важные и расфуфыренные, все девчонки по-прежнему выглядят взрослее меня, увереннее в себе. Как будто шестнадцать лет в Лос-Анджелесе больше, чем в Чикаго.

Унижение начинается на первом уроке. Хорошо, думаю я. Чем быстрее, тем лучше. Раньше начнем, раньше закончим. Наверное, я все-таки дочь своего отца. Неисправимая оптимистка.

– Джинсы из «Гэп» для плебса, – говорит Джем своей чудо-близняшке, конечно, имея в виду мои джинсы.

Хотя я не совсем понимаю, что она хочет сказать. Плебс – сокращенно от «плебеев»? Вроде как в джинсах, купленных в «Гэпе», ходят обычные люди? Да, так и есть. И трусы у меня тоже обычные, из оптового супермаркета для простых смертных. Могу ей показать. Пусть поцелует мою плебейскую задницу.

Я разозлилась, настрой у меня боевой, но я понимаю, что с этой блондинистой парочкой лучше не связываться. Мне с ними не справиться при всем желании. Но я могу заговорить с Адрианной (она сидит рядом со мной), потому что, иди оно все к черту, сейчас самое время обзаводиться союзниками. У меня горят щеки, но я делаю вид, будто не замечаю, что все шушукаются обо мне, и запрещаю себе оборачиваться назад, чтобы понять, слышал ли что-нибудь Бэтмен.

– Мне нравятся твои очки, – говорю я шепотом.

Адрианна моргает, смотрит на меня долгим взглядом, словно решает, что со мной делать, а потом улыбается.

– Спасибо. Я заказала их по Интернету и переживала, что не подойдут.

У нее очень приятный голос, тихий, доброжелательный, мягкий. Совсем не похожий на резкие голоса всех остальных здешних девчонок, настойчиво требующих внимания к себе любимым. Она симпатичная, даже, пожалуй,

красивая. Темные волосы, собранные в нарочито небрежный пучок, огромные карие глаза, подведенные черным карандашом, на губах ярко-красная помада.

– Тебе правда нравится?

– Да. Это же «Уорби Паркер»? У них стильный ассортимент.

Я слышу, как сидящие передо мной Джем и Кристель хихикают. Может быть, их насмешил «стильный ассортимент». Ну и пусть. На здоровье.

– Ага. – Адрианна улыбается мне. Ее взгляд говорит: Не обращай внимания на убогих. Она произносит одними губами: Дуры.

Я улыбаюсь и отвечаю так же беззвучно: Я знаю.

На перемене я набираюсь смелости, чтобы сообщить Бэтмену, что нам придется разорвать наше липовое партнерство, поскольку я не хочу нарушать кодекс чести СШВВ лишь потому, что он не умеет работать в команде. Сегодня я расхрабрилась и изрядно повысила самооценку, заговорив с Адрианной и не стушевавшись перед блондинистыми стервозами. Хотя, может быть, все дело в том, что сегодня – впервые после переезда в Лос-Анджелес – я нормально позавтракала. Как бы там ни было, я настроена очень решительно. Вуду-чары красавчика Бэтмена на меня не подействуют.

Он не в моем вкусе, говорю я себе, направляясь к его любимому креслу в кафетерии.

Не в моем вкусе, говорю я себе, когда вижу его во всем иссиня-черном великолепии, нежного, как кровоподтек.

Не в моем вкусе, правда, говорю я себе, когда выясняется, что меня опередила компания из пяти бойких девчонок, этаких кровожадных львиц. Одна – явная предводительница, все остальные – ближайшее окружение ее величества, подражающее ей во всем, в том числе и в одежде. Все пятеро из той породы молоденьких хищниц, которые заживо сдерут с тебя шкуру и дочиста обглодают кости.

– Эй, ты же придешь в субботу? – говорит предводительница прайда, девчонка по имени Хизер. Ее нисколечко не смущает, что Бэтмен небрежно поводит плечом и ни на миг не отрывает глаз от книги. Сегодня не Сартр. «Дракула» Брэма Стокера. Отличная книга. И вполне по сезону, поскольку близится Хеллоуин.

Не в моем вкусе, не в моем вкусе, не в моем вкусе.

– Может быть, – говорит он. – Если получится.

Общие фразы. Человек вроде ответил, а по сути – вообще ничего не сказал. Совершенно пустые слова, впечатляющие в своей пустоте. Я так не умею.

– Постарайся, Итан, – подает голос кто-то из свиты. Не помню, как ее зовут. То ли Вьюга, то ли Ливень. Может быть, Град. В общем, какое-то странное имя, связанное с погодой. – Мы все тебя ждем.

– Ага, – говорит он и на этот раз даже и не пытается сделать вид, что ему интересно их общество. Утыкается в книгу и начинает читать прямо у них на глазах. Его запасы энергии истощились.

– Ну, ладно. До встречи! – Хизер одаряет его лучезарной улыбкой.

Идеальные зубы, кто бы сомневался. Лос-Анджелес – царство керамических виниров. Вчера я погуглила эти «виниры». Один зуб стоит минимум тысячу долларов. Стало быть, ее рот стоит в пять раз дороже моей машины.

– Пока-пока, – говорят остальные девчонки и наконец-то уходят. Бэтмен явно испытывает облегчение оттого, что его наконец-то оставили в покое.

– Вам чего? – спрашивает он меня. Вроде бы шутит, но я чувствую себя очередным покупателем в автоочереди у «Макдоналдса».

Я думаю о нашем проекте по литературе. Вспоминаю, как Бэтмен решил, что от меня можно запросто отмахнуться, как от всех остальных.

– Насчет «Бесплодной земли», – говорю я скучающим тоном, засунув руки в задние карманы джинсов. – Если не хочешь работать вместе, ничего страшного. Просто мне надо будет сказать об этом миссис Поллак и найти другого партнера. Я не хочу, чтобы ты делал проект за меня.

Вот, я это сказала. Было не так уж и трудно. Я медленно выдыхаю. Меня немного трясет, слегка кружится голова, но внешне это незаметно. Будем надеяться. Моя маска держится крепко. Сейчас мне хочется лишь одного – получить свой «Хэппи мил» и побыстрее отчалить.

– А какие проблемы? Я же сказал, что получишь пятерку, – говорит он, небрежно откинувшись на спинку кресла. Смотрит на меня в упор. Сегодня его голубые глаза кажутся почти серыми. Как зимнее небо в Чикаго. Почему он все время такой усталый? Даже его волосы выглядят утомленными, местами они торчат в разные стороны, но загибаются вниз, словно склоняясь в пораженческом поклоне.

– Не в этом дело. Я сама в состоянии получить пятерку. Мне не надо к кому-то примазываться, – говорю я, скрестив руки на груди. – И потом, я не хочу нарушать школьный кодекс чести.

Он снова смотрит на меня и, кажется, усмехается. Это лучше, чем полный игнор, но все равно неприятно.

– Кодекс чести?

Да шел бы он к черту. Наверняка его папа – какой-нибудь знаменитый актер или кинорежиссер, и ему нет нужды волноваться, что его исключат из школы. Уж он-то точно получит свой аттестат и поступит в колледж. Возможно, он даже не знает значение слова «стипендия». Без словаря не поймет, о чем речь.

– Слушай, я новенькая в этой школе. Я не хочу, чтобы меня исключили или что там еще, я не знаю. Мне не нужны неприятности. До окончания школы всего два года, сейчас все считается. Мне все равно, что ты обо мне подумаешь. Можешь считать меня дурой, больной на всю голову или еще кем-нибудь.

– Или еще кем-нибудь, – говорит Бэтмен.

Снова эта загадочная усмешка. Я его ненавижу. На самом деле. Когда надо мной потешаются Джем и Кристель, это не так уж и важно. Их смешит моя одежда, а не мои слова. У меня в голове звучит мамин голос, всего секунду, потому что ее голос уже почти испарился – или рассыпался пылью: прах к праху, – но в эту коротенькую секунду мама снова со мной: Никто не заставит тебя чувствовать себя глупо. Никто, кроме тебя самой.

– Или еще кем-нибудь, – повторяю я снова, как будто это такая шутка. Как будто я неуязвима, и он не может меня задеть. Глаза щиплет от слез. Откуда они взялись? Нет, только не это. Сейчас не время. Я делаю глубокий вдох, и все проходит. – Нет, правда. Зачем эти сложности? Я найду другого партнера. – Я заставляю себя посмотреть ему прямо в глаза. Пожимаю плечами, как будто мне все равно. Делаю вид, что у меня тоже нет недостатка в ищущих моего скромного общества.

Бэтмен смотрит на меня и встряхивает головой, словно пытаясь проснуться. А потом улыбается. Не усмехается, нет. Не кривит губы. Улыбается по-настоящему.

У него нет дорогих керамических виниров. Зато есть щербинка между зубами. Передние зубы слегка кривоваты, повернуты вправо, но этот маленький недостаток его совершенно не портит, даже наоборот. Мне больше не кажется, что он подводит глаза. Его черты выразительны сами по себе.

– Ладно, давай попробуем, – говорит он.

– Что? – Я сбита с толку, потому что улыбка полностью преображает его лицо. Красивый, угрюмый подросток вдруг превращается в простодушного, немного нескладного мальчишку. Я почти вижу его тринадцатилетним, ранимым, стеснительным, совсем не похожим на рокового красавчика, собирающего толпы поклонниц на переменах. Наверное, если бы я знала его тогда, он понравился бы мне больше. Когда читал марвеловские комиксы, а не Сартра. Когда еще не столкнулся с неразрешимыми вопросами бытия и не вышел из этой битвы усталым, печальным, озлобленным или я даже не знаю каким.

Он мне симпатичнее такой, как сейчас. Когда улыбается.

– Давай поработаем вместе. С «Бесплодной землей». «Апрель – жесточайший месяц» и далее по тексту. Не самое мое любимое стихотворение, но все равно

судьбоносное, – говорит он, кладет в «Дракулу» закладку и захлопывает книгу, как будто ставит на этом точку. Решение окончательно и обжалованию не подлежит. Вот ваши чикен макнаггетс с медово-горчичным соусом. Спасибопожалуйстаприходитееще.

– Хорошо, – рассеянно говорю я, чувствуя себя выжатой как лимон. Я устала разбираться в переменах его настроения. Видишь его улыбку и как будто разгадываешь загадку. Почему его маленькие недостатки кажутся достоинствами? И он только что употребил слово «судьбоносный». Тебе грустно, ты злишься или просто тебе шестнадцать?

– А что, у нас в школе есть кодекс чести?

– Есть. На десять страниц.

– Каждый день узнаешь что-то новое. Мы еще не были официально представлены, да? Я Итан, Итан Маркс.

– Джесси, – говорю я, и мы пожимаем друг другу руки. Все по-взрослому. Без идиотских «дай пять» или поцелуйчиков в щечку. У него длинные, тонкие, сильные пальцы. Мне они нравятся. Нравится к ним прикасаться. – Холмс.

– Рад наконец-то с тобой познакомиться, Джесси. – Он делает паузу. – Холмс.

День № 15. Определенно лучше.

В тот же день на физкультуре мы с Дри плетемся по беговой дорожке, Адрианна сказала, что друзья зовут ее Дри, потому что ее полное имя «вызывает стойкие и малоприятные ассоциации с реалити-шоу», – и смеемся, подсчитывая, сколько раз мистер Шаклмен попытается украдкой почесать яйца. Эту игру придумала Дри. КН прав: с ней весело.

– Не понимаю, у него правда чешется или он пытается скрыть стояк при виде нашей Оси Зла. – Дри указывает взглядом на Джем и Кристель.

Они обогнали нас на три круга и не то что не вспотели, а даже не запыхались. Они такие красивые, что я тоже невольно на них загляделась.

Мистер Шаклмен выглядит немногим старше мальчишек из выпускного класса, но у него уже намечается пивной животик и лысина на макушке. Он щеголяет в спортивных трусах и чаще, чем необходимо, дует в свой пронзительный тренерский свисток.

– Они двойняшки? – Я имею в виду Джем и Кристель.

– Нет, – смеется Дри. – Но они дружат всю жизнь, с первого класса.

– Они всегда были такими… э… суками? – Я ненавижу слово «сука». Чувствую себя бешеной феминисткой, когда его употребляю, но иногда других слов просто нет.

– Не всегда. Сама знаешь, как это бывает. В классе седьмом совершенно нормальные девчонки вдруг впадают в стервозность, и до конца школы от них нет житья, а лет через десять, на встрече выпускников, они опять набиваются к тебе в лучшие подруги. По крайней мере, так говорит моя мама.

– Старшие классы везде одинаковые, – говорю я и улыбаюсь Дри. Стараюсь не чувствовать себя неуютно при упоминании мамы. Как будто все хорошо. Как будто невидимая игла не кольнула мне в сердце. – В смысле, здешняя школа совсем не такая, как моя школа в Чикаго, но, с другой стороны, точно такая же. И никуда от нее не сбежишь.

– Только в колледж. Так близко и так далеко, – вздыхает Дри. Она совсем не похожа на Скарлетт, которая вообще ничего не боится и сам черт ей не брат, и все-таки я почему-то уверена, что Дри могла бы понравиться Скарлетт. Скар взяла бы ее под опеку, как это было со мной.

– Один мой друг недавно сказал, что количество счастья, отпущенное в старшей школе, обратно пропорционально успеху в дальнейшей жизни, – говорю я, проверяя свою теорию, что Адрианна и есть КН. Это более правдоподобно, чем КН-Тео. Может быть, она постеснялась подойти ко мне первой. Я внимательно изучаю ее лицо, но в нем нет и намека на узнавание.

Нет, не она.

– Не знаю. Будем надеяться. – Она достает из кармана ингалятор. – Прошу прощения. У меня аллергия на уличный воздух. И на воздух внутри помещений. Вообще на все. Знаю, что выгляжу по-дурацки, но дышать как-то надо.

Когда мы подружимся по-настоящему, я скажу Дри, что ей не за что извиняться. Она не должна никому ничего объяснять и оправдываться. Я тихо улыбаюсь самой себе. Хотя Скар сейчас далеко, в эту секунду она здесь, со мной. Потому что она сказала бы мне то же самое.

Глава 8

Тео входит на кухню в кожаной безрукавке и таких облегающих джинсах, что они больше похожи на джинсовые татуировки. Тео очень серьезно относится к своему внешнему виду. Каждый раз подбирает одежду на выход, как будто готовится к театрализованному представлению. Сегодня он изображает брутального, неотразимого и сексапильного «Ангела ада».

– Я тебя не узнал, – говорит он, открывает холодильник, достает две бутылочки свежевыжатого сока и вручает одну из них мне. – Держи. Для профилактики рахита.

Я сижу за столом и читаю. Этот огромный дворец снова сыграл со мной злую шутку: я думала, дома никого нет. Если бы я знала, что Тео еще не ушел, я бы не выползла из своей комнаты с лечебной грязевой маской на роже. Не лучший мой выход. Зрелище, прямо скажем, пугающее.

Я отпиваю глоточек зеленого мутного сока и с трудом подавляю рвотный рефлекс.

– Черт, что за гадость?

– Капуста, имбирь, огурец и свекольный сок. Да, наверное, надо было начать твое приобщение к прекрасному с фруктовой смеси. Я забыл, что ты еще не

продвинутый сокопийца.

– Продвинутый сокопийца? Это ты сам придумал? Знаешь, когда я с тобой разговариваю, у меня иногда возникает стойкое ощущение, что я смотрю реалити-шоу, – говорю я. – Очень прикольно, но лишь потому, что по-настоящему так не бывает.

– Это все настоящее, детка, – отвечает Тео, поигрывая бицепсами.

– Неплохо смотрится, – соглашаюсь я, имея в виду его мускулистые руки. – Мне нравится, как ты косишь под байкера.

– Под байкера? Вообще-то под рокера.

– И под рокера тоже.

– Не под крутого, мускулистого рокера, пышущего здоровьем, а под тощую бледную немощь, скажи!

– Говорю.

На лице Тео написано облегчение, и впервые за все это время у меня появляется мысль, что, может быть, он не такой уж и самоуверенный тип, каким хочет казаться. Теперь, когда уже знаю, чего ожидать, я отпиваю еще глоток сока. Он настолько противный, что это даже заманчиво. Не могу понять, нравится он мне или нет, что, кстати, полностью отражает мое отношение к Тео.

– Идешь сегодня на вечеринку к Хизер? Намечается полный отрыв. Ее папа со своей новой пассией улетел в Таиланд, а здесь у него огромный особняк. Стоит бешеных денег, но они могут себе это позволить.

Погодите, КН тоже употребил выражение «бешеные деньги».

«Ну и что?» – говорю я себе. Это еще ничего не значит. Выражение достаточно распространенное.

Я смотрю на Тео и показываю на свою грязевую маску:

– А ты как думаешь?

– О нет. Только не надо давить на жалость, чтобы я весь проникся сочувствием и взял тебя с собой, – говорит Тео.

– Спасибо за приглашение, но я вынуждена отказаться. Мне надо делать уроки.

– Не верю. Сегодня суббота.

– Мне нечего надеть.

– Это уже ближе к истине. Но если задаться целью, мы наверняка что-нибудь для тебя подберем.

– Нет, правда. Я ценю твой порыв к состраданию и все такое, но лучше в следующий раз.

– Как скажешь. – Тео поднимается из-за стола и легонько бьет кулаком по моим согнутым пальцам. Вроде как мы с ним по-дружески попрощались. – Постарайся не выкурить всю мою травку, пока меня нет.

Кому: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

От кого: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

Тема: Субботняя ночь

Ты на вечеринке? У Хизер?

Кому: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

От кого: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

Тема: почти воскресное утро, на самом деле

Может быть. А ты?

Кому: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

От кого: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

Тема: Еще не утро. 2 часа ночи.

Если ты там, то сам знаешь.

Кому: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

От кого: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

Тема: ладно, твоя взяла. субботняя ночь.

только не надо со мной хитрить. на вечеринках у Хизер всегда ТОЛПЫ НАРОДУ.

Кому: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

От кого: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

Тема: Ты слишком быстро сдаешься.

Это ты любишь хитрить.

Кому: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

От кого: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

Тема: мне нравится, как ты умело…

это можно считать нашей первой ссорой?;)

Кому: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

От кого: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

Тема:???

Гы. Ты прислал мне смайлик?

Кому: Джесси А. Холмс (jesster567@gmail.com)

От кого: Кто-то Никто (somebodynobo@gmail.com)

Тема: … ведешь сразу два разговора.

строго говоря, это был эмотикон. и ты ответила «гы», так что, думается, мы в расчете. не хочу показаться навязчивым, но, может быть, перейдем в мессенджер? а то я пугаюсь, когда у меня каждые две секунды обновляется почта. хотя я буду скучать по твоим заголовкам…

Я: Есть.

Кто-то/Никто: ага, так удобнее.

Я: Разве? Ну ладно. Хотя все нормальные люди общаются эсэмэсками.

Кто-то/Никто: а как же моя анонимность?! нет уж, мессенджер – наше все. на чем мы остановились? субботняя ночь. или воскресное утро. без разницы. ты на вечеринке?

Я: Нет. А ты?

Кто-то/Никто: был. уже ушел. сейчас сижу в машине и разговариваю с тобой. тихие ночные забавы одинокого странника. гм, как-то оно получилось двусмысленно. прошу прощения. хотя, если ты любишь пошлые шуточки…

Я: Я сделаю вид, что не слышала. В смысле, не видела.

Кто-то/Никто: и хорошо. из-за этих игр в анонима я себя чувствую по-дурацки.

Я: Так и игры дурацкие, прямо скажем.

Кто-то/Никто: да? мне так не кажется. впрочем, ладно. у каждого свои тараканы.

Я: Ты псих ненормальный. В хорошем смысле.

Кто-то/Никто: как настроение? получше? а то ты в начале недели ходила убитая. я беспокоился.

Я: Настроение получше. Спасибо, что интересуешься. Как у тебя? Все хорошо?

Кто-то/Никто: вроде нормально. последний год был паршивым.

Я: Прекрасно тебя понимаю.

Кто-то/Никто: да? надеюсь, что нет. хотя, наверное, понимаешь. у тебя грустный взгляд.

Я: Да? И когда же ты видел мой взгляд?

Кто-то/Никто: я не видел. не взгляд. я имел в виду лоб. у тебя грустный лоб.

Я: Даже не знаю, как с этим бороться. Ботокс?

Кто-то/Никто: и чикагская девчонка станет калифорнийской куклой. нет, лучше не надо.

Я прекращаю писать. Трогаю двумя рукам свой лоб. Мама меня постоянно ругала, что я его морщу. Говорила, что если я не избавлюсь от этой привычки, у

меня очень рано появятся мимические морщины, как у нее. Но мамина мимическая морщинка была похожа на восклицательный знак прямо посередине лба. Она выражала энтузиазм, может быть, даже радость. А не унылые, тяжкие думы.

Неужели я все время выгляжу грустной? Надеюсь, что нет. Очень не хочется превращаться в печальную девицу с вселенской скорбью в глазах. Я не такая... Но, если честно, это не совсем правда. На самом деле я не хочу казаться печальной девицей в глазах окружающих.

Кто-то/Никто: ты еще здесь? я что-то не так сказал? просто для сведения: у тебя хороший лоб. он мне нравится такой, какой есть.

Я: Просто задумалась. Извини.

Кто-то/Никто: не надо думать! это вредно!

Я: Расскажи о вечеринке. #косвенныйопытвеселья

Кто-то/Никто: ничего интересного. совершенно обычная вечеринка, разве что там был какой-то известный диджей, о котором я ни разу не слышал, и у папы Хизер классный дом, да еще все напились в хлам.

Я: И ты тоже?

Кто-то/Никто: я за рулем. да и нет настроения напиваться. заглянул ненадолго. в общем, и не собирался задерживаться.

Я: Типа отметился.

Кто-то/Никто: даже не знаю. как-то все это… скучно и глупо. типа того.

Я: Знакомое чувство. Все, как в Чикаго, только вместо роскошных домов и знаменитых диджеев там был боулинг. Но все равно…

Кто-то/Никто: глупо и скучно. но это не самое точное определение. скорее, мелко. несущественно и маловажно.

Я: И все-таки жизненно важно для всех остальных, и, осмелюсь заметить, может быть, чуточку важно и для тебя, что само по себе еще больше смущает. Я понятно сказала?

Кто-то/Никто: понятно. кстати, о важном. разговоры с тобой – это важно.

Я: Да?

Кто-то/Никто: да.

Глава 9

До того, как не стало мамы, мы со Скарлетт часто обсуждали идею идеального дня. Что должно произойти – от момента, когда просыпаешься утром, до момента, когда засыпаешь вечером, – чтобы этот день стал самым лучшим из всех твоих дней? Мы не мечтали о чем-то великом, из ряда вон. По крайней мере, я не мечтала. Мой идеальный день проходил в основном под знаком «не». Мне

хотелось прожить целый день, не ударившись обо что-то ногой, не пролив чай на рубашку, не робея, не чувствуя себя страшненькой и неуклюжей. В этот день я не опоздаю на школьный автобус, не забуду физкультурную форму. Когда я посмотрю в зеркало после обеда, у меня на зубах не будет застрявших кусочков пищи и из носа не будет торчать козявка.

Конечно, я не ограничивалась только отсутствием неприятностей. Я всегда добавляла первый поцелуй, хотя затруднялась сказать, с кем буду целоваться: с кем-то, еще не обретшим лица, с парнем, который однажды появится в моей жизни, и рядом с ним я почувствую себя желанной, красивой и нужной. Да, первый поцелуй и еще, может быть, мамины оладьи на завтрак. Она пекла мне оладьи в форме моих инициалов, хотя я уже вышла из того возраста, когда тебя радуют такие вещи. Но меня они радовали всегда, просто я поняла это не сразу. Оладьи на завтрак и вегетарианская лазанья на ужин. Мама готовила очень вкусную вегетарианскую лазанью.

Ничего сверхъестественного.

Кстати, может быть, еще пицца в школьной столовой. У нас была на удивление приличная пицца.

Вовсе не обязательно, чтобы идеальный день включал в себя круиз по Карибскому морю, затяжные прыжки с парашютом и брутального байкера в кожаной куртке, который умчит тебя на мотоцикле в закатную даль, хотя все эти пункты – и многие другие – входили в список Скарлетт. А как же иначе? Но мне всегда нравились обыкновенные вещи. Маленькие повседневные радости.

Теперь, когда все изменилось, идеальных дней больше не будет. У меня не укладывается в голове, как вообще жить без мамы.

Я вспоминаю, как было раньше, и каждый день кажется мне идеальным. Кого волнует ушибленный палец или козявка в носу? У меня была мама, моя мама, которую я любила, как не каждый способен любить свою маму. В смысле, все любят своих матерей, потому что «она твоя мама, а маму нельзя не любить», но свою маму я любила не только поэтому. Она была потрясающим человеком, добрым, внимательным, интересным, она меня слушала, понимала, она продолжала печь мне оладьи в форме моих инициалов, потому что в отличие от меня всегда знала, что люди не вырастают из детства. Она прочитала мне вслух

всего «Гарри Поттера» и, закончив последний том, сама предложила еще раз перечитать все семь книг.

Если я чему-нибудь и научилась за последние два года, так это тому, что память стирается. Когда я читаю «Гарри Поттера», мамин голос уже не звучит у меня в ушах. Но я притворяюсь, как будто мы с ней сидим, тесно прижавшись друг к другу, и теперь уже я читаю ей вслух. Если не получается даже это, я представляю, что рядом со мной есть хоть кто-то, и уговариваю себя, что мне хватает и этой малости.

Я любила маму, потому что она была моей. Она принадлежала мне целиком, а я целиком принадлежала ей. Такой близости у меня ни с кем никогда больше не будет.

Идеальные дни выдаются у тех, чьи желания скромны, а мечты осуществимы. Нет, наверное, не только у них. Такие дни есть у всех, просто мы не способны понять это сразу. Уже потом, когда мы вспоминаем их, они представляются нам идеальными, потому что тогда мы еще обладали тем самым, что теперь безвозвратно утрачено, и эту потерю ничем не восполнишь.

Глава 10

– Извини, подруга, но мы ищем бариста с опытом работы в «Старбаксе», – говорит мне парень за прилавком «Старбакса» в ответ на вопрос, нет ли у них вакансий для школьников на неполный рабочий день. На вид ему лет двадцать, может, чуть больше, и половину своей старбаксовской зарплаты он явно тратит на моделирующий воск для волос. – Работа ответственная. Мы подходим к подбору сотрудников очень серьезно.

– Что? – переспрашиваю я, потому что он вдруг буркнул себе под нос что-то неразборчивое.

– Прошу прощения, репетирую роль. – Он показывает мне сценарий, который прячет под прилавком. – Вечером будет прослушивание. Я вообще-то актер.

Бариста по имени Бари (я не шучу, так написано на его бедже) улыбается мне, но неискренне. Словно делает мне одолжение, милостиво одаряя улыбкой.

– Я только что снялся в эпизодической роли в «Больших озорницах». Это новый телесериал, он еще не вышел.

– Круто. – Я размышляю, стоит ли проявить вежливость и сказать, что мне вроде бы знакомо его лицо. Оно мне незнакомо. – А как получить опыт работы в «Старбаксе», если они принимают бариста только с опытом работы в «Старбаксе»? Прямо как с курицей и яйцом, да?

– Э?

– Я имею в виду, как ты сам получил эту работу?

– А, ясно. Я им соврал.

– Соврал?

– Сказал, что работал в «Старбаксе». Несколько лет.

– И тебе поверили на слово? – Я делаю мысленную заметку, что надо будет поправить свое резюме, добавив там строчку: «Старбакс», Оук-Парк 2013–2014, и снова зайти сюда завтра. Но потом очень живо представляю себе первый день на работе с моим якобы опытом. Я обязательно обожгусь паром из кофеварки, или на меня наорет недовольный клиент. Люди злые, пока не получат свой кофе.

– Наверное, я очень хороший актер. – Бариста по имени Бари улыбается снова, и мне кажется, он произносит три фразы одновременно. Фразу, прозвучавшую вслух, фразу, которую он репетирует для роли, и фразу, которую подразумевает его улыбка, а именно: Всего хорошего.

После «Старбакса» я захожу в магазин одежды, кафе свежевыжатых соков, веганскую кондитерскую и студию йоги. Я уже теряю надежду, но тут замечаю крошеную книжную лавку «Зри в книгу!», притулившуюся рядом с магазином дизайнерской детской одежды. Никаких объявлений «Срочно ищем сотрудников» не наблюдается, но, как говорится, попытка не пытка.

Меня приветствует запах книг, как будто я снова дома. Именно так пахло в нашем чикагском доме – бумагой. Я скрещиваю пальцы в кармане и, молясь про себя – только бы все получилось, – пробираюсь к прилавку сквозь книжные стеллажи. В другое время я бы здесь покопалась, выбрала бы что-нибудь интересное, чтобы потом взять эти книги в библиотеке. Но сейчас мне нужна работа. Не то чтобы мне нечем было заняться после уроков. Даже при полном отсутствии личной жизни я каждый вечер сижу допоздна: выполняю домашние задания и готовлюсь к отборочным тестам для поступления в колледж. Но мне нужны деньги. Сегодня я не смогла взять в «Кафеюшечке» даже бутылку диетической колы. (КН не соврал. Автомат принимает не меньше десятки. У меня на обеденной карточке восемь долларов семьдесят шесть центов. Утром я собиралась попросить денег у папы, но мне не удалось застать его одного. Рядом с ним постоянно вертелась Рейчел, и мне сделалось плохо при одной мысли о том, как она полезет в свой кошелек и даст мне двадцатку.)

– Вам помочь, милая? – обращается ко мне продавщица за кассой.

Я вдруг понимаю, что впервые с приезда в Лос-Анджелес вижу женщину с морщинками на лице. У здешних женщин кожа тугая и гладкая, растянутая ботоксом. Без признаков возраста. Не поймешь, то ли дама под сорок, то ли под семьдесят. Но эта женщина не молодится. У нее короткая стрижка, седые волосы и лицо в мелких морщинках. Она одета в свободную льняную тунику вроде тех, что продаются в дорогих этнических магазинах. Возможно, ровесница Рейчел, хотя они явно разной породы. Рейчел – жесткая, эта женщина – мягкая.

– Добрый день, вы случайно не ищете новых сотрудников? – Я слышу в голове голос Скарлетт: Включай внутреннюю богиню. Будь уверенной, сильной, неотразимой

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/baksbaum_dzhuliya/tri-pravdy-o-sebe

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить